Волчья луна

Автор:
Ольга Романовская

Волчья луна

Ольга Романовская

Можно убежать от судьбы, но нельзя убежать от себя. Шарлотта Хемптон верила в эту народную мудрость, пока не ступила на платформу вокзала Розберга. Не имея за душой ничего, кроме саквояжа со сменным бельем, она углубилась в чтение объявлений, одно из которых и привело ее к порогу самого обычного дома. Условия труда подходящие, хозяина практически не бывает дома, можно выдохнуть и начать новую жизнь. Только вот о нанимателе ходят очень странные слухи, и Шарлотта не успокоится, пока не отделит вымысел от правды.

Роман ранее не издавался.

Ольга Романовская

Волчья луна

Пролог

Это время называют волчьей луной. Мое время. Час, когда рог полумесяца миновал высшую точку и цепляет облака, когда замолкают даже цикады, а прохлада влажной пеленой опускается на землю. Час, когда все живое спит и даже хищник выходит с опаской. Третья стража. Моя стража, потому что я давно

не принадлежу себе. Более того, я боюсь себя, поэтому прячусь от людей.

Ночь лишена красок, зато полна звуков и запахов. Я вдыхаю их полной грудью. Вот свежесть реки, приправленная легкой ноткой тины. Вот вечерница. Ее теплый аромат прогоняет меланхолию, и я часто стою над пригорком, поросшим неприметными лиловыми цветами. Призрачного света достаточно, можно различить тончайшие переливы света, капельки вечерней росы на черешках. Неприметные мелкие цветочки – словно антипод смотрящему на них существу. Когда становилось совсем плохо, не помогала даже луна, вечный молчаливый сочувствующий друг, зарывался лицом в манящий аромат, безжалостно уничтожая хрупкую красоту. Мне не привыкать.

Перед глазами, словно вспышка, очередная красивая, стройная, дерзкая. Я мог бы пойти вслед за ней, но моя работа – подавлять желания. Нужно помнить о проклятии, минутная слабость не стоит чьей-то жизни. Да и если злой рок обойдет ее стороной, как потом скрыть мою постыдную тайну? И я делаю то, что должно, чтобы потом ощущать себя… Кем же? Тем, кем я являюсь. От правды не убежишь, ее нужно принять. И умереть с ней, одному, потому что трусливо обрекать на смерть других ради собственного удовольствия или продолжения рода я не собираюсь.

Столько лет… Какая же долгая память! Иногда мне хочется, чтобы она стала короче, чтобы из нее испарились ночи, напоенные несбывшимися мечтами, напрасными надеждами и хрупким спокойствием. Как же я завидую обычным людям! Глупые, они считают баловнем судьбы меня, но разве деньги приносят счастье? Интересно, раскаялся ли мой далекий предок, когда совершил сделку с Дьяволом? Терзалась ли муками совести мать, когда узнала, какой ценой спасла меня от проклятия? Только оно никуда не делось, лишь затаилось до времени.

Мое время – волчья луна, больше ничего моего не существует. Днем я ношу маску, старательно прячу ото всех свое истинное содержимое. Можно было бы, конечно, поступить как мать, безуспешно искавшая спасения у шарлатанов, но всем из нашего рода предстоит завершить свои дни одинаково: в одиночестве, без души и сердца.

Делаю шаг вперед, закрываю глаза.

Маттиола. Она обильно разрослась под ногами, сладким ароматом прогоняя мрак из души. Крохотный клочок земли для маленькой слабости. Непозволительно? Возможно, но палачи часто заводят котят, отчего бы мне не любить цветы?

Тяжко вздохнув, обвожу взглядом вязкую темноту ночи. Наверное, стоило навсегда уйти из мира, принять свою судьбу, но я считаю самоубийство непростительной слабостью. Зато мне дана власть, власть взамен на одиночество. Не так уж плохо, верно? А нелепые желания… Это всего лишь волчья луна, луна Темного мира.

Глава 1

Розберг казался Шарлотте Хэмптон достаточно большим городом, чтобы скрыть свои секреты. Их у нее, несмотря на юный возраст, накопилось немало, но девушка твердо решила похоронить их среди пара и гудков паровозов. Новый мир казался ей непривычным, совсем не походил на мирное течение жизни в родном сонном городке. А тут крикливые носильщики, поезда… Она натерпелась столько страху, пока ехала в вагоне, судорожно прижимая к груди нехитрую поклажу.

Шарлотту сложно было назвать красивой, таких именовали хорошенькими. Невысокая, чуть полноватая в талии, она выделялась из толпы лишь насыщенным голубым цветом глаз. Треугольное личико, тонкие губы, собранные в пучок мышиные волосы – таких девушек десятки, если не сотни. Тем не менее у нее имелись все основания, чтобы надвинуть на лицо глухой капюшон накидки, будто одного капора недостаточно. Или дело в цвете? Яркий, малиновый, он неминуемо привлек бы ненужное внимание, Шарлотта же желала остаться невидимкой.

Вздрогнув от неожиданно резкого паровозного гудка, девушка выронила саквояж, чем изрядно насмешила носильщиков. Загорелые, мускулистые, несмотря на осень, все в клетчатых рубашках и парусиновых штанах, они толпились возле вагонов в ожидании клиентов.

– Вам помочь, мадемуазель? Всего два фунта.

Шарлотта замотала головой и отшатнулась. Два фунта – слишком большая сумма для той, которая ищет жилье и работу. Именно так, Шарлотта приехала в Розберг, второй город империи, не имея за душой ни достаточных сбережений, ни родственников, ни рекомендательного письма, однако она твердо намеривалась выжить. Да и как иначе, если она ускользнула из расставленного на нее силка судьбы.

Подхватив саквояж и поправив выбившиеся из-под капора волосы, девушка решительно зашагала по дебаркадеру. Смешно, но второй – первая касалась размеров города – мыслью в Розберге стало: «Нужно купить шляпку». Решительно никто из встреченных дам не носил того убожества, которое Шарлотта прихватила у сестры. Сама она до холодов ходила простоволосой, обходясь одним капюшоном. Взгляд непроизвольно упал на руки, на перчатки – не слишком ли они старые и дешевые, чтобы проситься в приличный дом? Шарлотта приобрела их на ярмарке пять лет назад. С тех пор гардероб ее несколько вырос, но, несомненно, уступал розбергским нормам. Хотя, имей она возможность упаковать все в чемоданы и картонки… Девушка отогнала призраки прошлого и завертела головой в поисках выхода.

Первым, кто встретил Шарлотту на шумном бульваре у вокзала, стал ветер. Он взметнул юбки, обнажив идеально белое кружево панталон, и улетел дальше, потешаться над другими женщинами, не имевшими средств нанять экипаж. Оправившись от досадного происшествия, Шарлотта в растерянности огляделась. Куда теперь? Она понятия не имела, с чего начать, и бесцельно побрела под тенью облетавших желтых платанов.

Часы на вокзальной башне отмерили два часа дня. Нужно поторопиться, в октябре темнеет рано. Сначала поесть. Шарлотта на собственном опыте знала, чем заканчиваются принятые на голодный желудок решения, и направилась к яркой вывеске бистро. Пусть еда там безвкусная, зато сытная и питательная. Уже через пару минут перед Шарлоттой стояла тарелка наваристого супа с луком и фрикадельками, а под рукой лежала газета, приобретенная рядом, в табачной лавке. Девушку интересовали последние страницы, на которых традиционно публиковали объявления по найму персонала. Одной рукой прихлебывая ложкой суп, другой она водила по строчкам, беззвучно шевеля губами. Девушка искала работу с проживанием: пансион или самая дешевая гостиница разорили бы Шарлотту. Повариха? Нет. Страсти к кулинарии Шарлотта не выказывала, да и получила иное образование. Горничная? Возможно, хотя убирать за другими совсем не то что за собой. Гувернантка? Да,

но без рекомендаций ее не подпустят к детям. Шарлотта попробует, но не надеялась на успех. Экономка? Следует запомнить, дома именно Шарлотта заведовала финансами.

Суп приятной тяжестью опустился в желудок, немного скрасив будни. Мир уже не казался таким серым и безрадостным, однако капор девушка так и не сняла: страх еще цепко держал в когтях ее сердце. Слишком близко от вокзала, слишком мало времени прошло. Шарлотта с сожалением констатировала, что тарелка пуста. Пора отправляться обивать пороги. Она дала себе на поиски не более трех дней – больше ее скудный бюджет не выдержит. О том, где придется ночевать, девушка старалась не думать. Найдется ведь в Розберге место, способное приютить ее до рассвета? А дальше уже Шарлотта устроится в собственной комнате у хозяев.

Рядом кто-то громко рассмеялся, резко, визгливо. Девушка вздрогнула и инстинктивно отодвинулась. Она впервые оказалась в подобном месте, среди работников и работниц, чуждых хорошим манерам. Пусть Шарлотта никогда не жила в достатке, но прежде пила кофе и ела булочки с кремом за круглыми столиками, а не ютилась в бистро. Чувство брезгливости погнало ее на улицу. Самой же лучше поторопиться. Оставив на столе пятипенсовик, Шарлотта вновь накинула капюшон и скользнула на улицу. Она поборола желание обернуться и быстро зашагала прочь по бульвару к стоянке экипажей. Разумеется, брать извозчика девушка не собиралась, всего лишь узнать дорогу. Пальцы нервно комкали газету. Шарлотта заметила это только тогда, когда страницы захрустели. Девушка поспешила исправить оплошность, разгладив листы. Нельзя так обращаться с последней надеждой.

Увы, Шарлотте не удалось избежать трат. Она недооценила размеры Розберга и быстро убедилась, обойти все адреса пешком не удастся. Вооруженная картой, девушка забралась на империал – он стоил дешевле, чем места внизу. Итак, горничная. Работа тяжелая, зато помогающая одновременно стать невидимкой и оставаться в курсе событий. На прислугу в одинаковых чепцах и фартуках не обращали внимания, зато к ней стекали сплетни. Кто, как ни горничная или дворецкий знал обо всех гостях хозяина или хозяйки, их любовниках и любовницах. Или о собственных врагах, которые решили войти через парадный вход. Шарлотта прикрыла глаза и помассировала налившиеся болью виски. Может, она смалодушничала, бросила мать и сестру, но инстинкт самосохранения оказался сильнее. Да и стоило ли оставаться в доме, в котором не находишь поддержки. Абсолютно все сочли Шарлотту виновной, она

совершила благое дело, избавила матушку и Иветту от душевных терзаний из-за родства с ней.

Девушка вновь открыла глаза и отогнала призрак прошлого. Пусть он корчится в агонии там, в Девере. Шарлотта будто сорвала пелену и теперь жадно всматривалась в облик нового дома. Конка тащилась медленно, вагон дребезжал на разбитых путях, давая возможность во всей красе осмотреть осенний Розберг. Они проезжали через центральные кварталы, застроенные фешенебельными доходными домами с коваными балконами. На первых этажах расположились разнообразные магазины, кафе и рестораны, заманивая посетителей яркими вывесками и полосатыми маркизами. Проезжую часть от тротуара отделяли аллеи платанов. Их облюбовали дети, к ужасу матерей и нянек гоняя на недавно вошедших в моду велосипедах с большими колесами.

Розберг шумел сотнями голосов, пах десятками запахов, поражал геометрической точностью планировок и размерами площадей. Одну из таких, с черным обелиском, пронзавшим облака, они сейчас огибали. Придерживаясь за ограждение империала, Шарлотта непрестанно вертела головой. Однако ее занимали не только быстрые упряжки франтов или непривычно высокие, в четыре-пять этажей дома, а таблички с названиями улиц: нужно не пропустить свою остановку.

Горничная требовалась в апартаментах на третьем этаже бежевого дома, одним углом выходившего на перекресток двух бульваров, другим – на тихую улочку, наискосок прорезавшую квартал. Сверившись с адресом в объявлении, Шарлотта позвонила и спросила Беатрис Вейр. Ей открыли и проводили в переднюю, велев немного подождать. Из глубины квартиры доносился детский плач – выходит, мадам Вейр замужем или вдова. Вскоре появилась она сама. Мадам Вейр полностью соответствовала представлениям о высокомерной супруге какого-нибудь банкира. Высоко поднятый подбородок, презрительно поджатые губы, холод в глазах и нарочитая отстраненность. Несмотря на относительно молодой возраст, – морщинки еще не испортили ее глаз – потенциальная хозяйка напомнила Шарлотте директрису гимназии. Вредная старуха изводила воспитанниц придирками и колотила палкой за непослушание. Мадам Вейр молчаливо осмотрела девушку с головы до ног и скривилась еще больше.

– Из какой дыры вы приехали, милая?

– Из Труе, – Шарлотта намеренно назвала другой город.

Маловероятно, чтобы госпожа стала наводить справки, зато в квартире полно ушей и желающих продать любые сведения за звонкую монету.

– Труе… – Хозяйка безуспешно пыталась припомнить, где это.

– На северо-западе, мадам, – пришла ей на помощь девушка.

– И что же, чем вы занимались в Труе? Доводилось ли вам уже работать горничной?

– Училась и помогала матери в лавке, мадам.

– Учились? – Приподнятые брови выдавали крайнюю степень удивления. – Чему же?

– Я окончила частную женскую гимназию, мадам, после финансовые курсы.

Шарлотта говорила и уже понимала, горничной ее не возьмут. Так оно и вышло. «Финансовые курсы», по сути, всего лишь умение вести домовую книгу, привели мадам Вейр в ужас. Наверное, она решила, будто имеет дело с суфражисткой или кем-нибудь подобным. Шарлотта, безусловно, симпатизировала части их идей, но уж точно не стала бы требовать равноправия и ходить на митинги.

Вычеркнув один адрес, девушка отправилась по следующему адресу, устраиваться гувернанткой. Немного поплутав по большому городу и едва не поплатившись за невнимательность пятном на юбке, она, щурясь после темной лестницы, вошла в гостиную чиновника средней руки. Портрет хозяина дома висел на самом видном месте, по мундиру Шарлотта и определила его род занятий. Собеседовала ее жена хозяина квартиры, временами отвлекаясь на шумного сынишку. Ему не сиделось на одном месте, требовалось постоянно кричать и бегать. Помимо сына имелась старшая дочь, которую также надлежало обучать гувернантке.

Шарлотта никогда бы не подумала, что камнем преткновения может стать… возраст. Едва заслышав ответ: «Двадцать четыре», хозяйка позвонила в колокольчик, сухо заявив, что не нуждается в ее услугах.

Ночь надвигалась стремительно, вдобавок ко всем бедам зарядил дождь. Мелкий, противный, он раздражал больше ливня. Тот хотя бы обрушит на головы прохожих всю мощь и перестанет, а этот час за часом пропитывал сыростью каждый клочок материи на Шарлотте. В итоге она озябла и, нарушив собственные правила, забежала в кофейню, побаловать себя горячим шоколадом. Его подали вместе с парой бисквитных печений – скудным ужином на сегодня. Шарлотта с тоской отвернулась от прилавка и погладила рукой урчащий живот. К счастью, звуки голосов и жерновов ручной мельницы заглушали постыдные звуки.

Шоколад немного привел беглянку в чувство. Пальцы порозовели, а холод временно отступил. Только вот капюшон накидки промок насквозь, а влажный от наполненного дождем воздуха капор приносил больше неудобств, чем пользы. Поколебавшись, девушка его сняла. Она далеко от вокзала, забралась на какой-то холм, откуда открывался чудесный даже в ненастный день вид на соборы и проспекты Розберга. Узкие улочки здесь пересекались под всевозможными углами, нередко заканчиваясь лестницами, а то и тупиками. В один из таких полчаса назад уткнулась Шарлотта, вконец отчаявшись найти дом очередного потенциального хозяина. Зато кафе с двумя столиками снаружи и симпатичной полосатой маркизой она отыскала быстро, хотя просто брела по улице безо всякой цели. И вот теперь пила горячий шоколад.

Девушка аккуратно расстелила и разгладила на столе главное свое сокровище – прихваченную в бистро газету. Саквояж надежно уберег ее от влаги. Взгляд уперся в кружки обведенных косметическим карандашом – другого не нашлось – объявлений. Еще пять. Вряд ли Шарлотта сумеет попытать счастье сегодня еще раз, разве только работодатель живет поблизости. К слову, где?

– Простите, – девушка окликнула официанта, убиравшего со стола пустые бокалы, – не подскажите, как называется эта улица?

– Сан Эвита, мадемуазель, – охотно отозвался молодой человек, продемонстрировав ослепительную улыбку в тридцать два зуба.

– А не будете ли вы столь любезны и не скажите, живет ли кто-нибудь из них, – Шарлотта ткнула в газету, – поблизости.

– Охотно!

Официант поставил поднос на столик и подошел к ней. Девушка задержала дыхание. Только бы желудок не подвел! Но он смирился с вынужденной голодовкой и больше не издавал ни звука.

– Кто-нибудь из них, – повторила Шарлотта, указывая на объявления.

Молодой человек нахмурился, пробежав глазами список, а потом с прежним восторженным энтузиазмом поинтересовался:

– О, так вы ищете работу?!

Со стороны казалось, будто он получил наследство, а не задал простой вопрос.

Переборов смущение, Шарлотта кивнула. В ее положении не до гордости.

– Если вы знаете кого-то… Словом, я была бы очень благодарна, – девушка так и не закончила фразы.

Она ни на что не надеялась, но судьба решила подарить беглянке еще один шанс. Может, и не придется ночевать в общей комнате с еще восемью-двенадцатью девушками (а то и вовсе мужчинами), отчаянно вцепившись в саквояж и боясь сомкнуть глаза.

– Пожалуй, знаю, – почесав переносицу, ответил официант, правда, уже без прежней радости. – Только место странное, прислуга там долго не задерживается.

– О, мне подойдет!

Да будь хозяин самим Дьяволом, Шарлотта согласилась бы гладить ему белье или делать покупки на рынке.

– Ну смотрите. – Молодой человек как-то странно посмотрел на нее, словно пытался о чем-то предупредить. – Я сейчас нарисую, как пройти. Это недалеко, но нужно спуститься с холма, улица Шиповника, дом двадцать один. Хозяина зовут Гийом Бош.

– А какой этаж? Или там вывешен список жильцов?

Девушка старательно записала все тем же карандашом для бровей адрес очередного работодателя.

– Ему принадлежит весь дом, не ошибетесь.

Целый дом? Тогда, наверное, этот месье Бош баснословно богат или вовсе дворянин – Шарлотта сомневалась, будто недвижимость в Розберге стоила дешево. Даже те дамы, с которыми она говорила сегодня, важные, надменные снимали квартиры.

– Не ходите!

Официант положил руку на запястье девушки. Хватило всего одного взгляда, чтобы он ее убрал.

– Почему?

Стало даже интересно, чем местным насолил несчастный Гийом. Слишком требовательный или скупердяй? Охоч до молоденьких служанок? Ну так Шарлотта приобрела некоторый опыт, справится.

– За ним закрепилась дурная слава, – понизив голос, молодой человек наклонился к самому ее уху. – Поговаривают, месье колдун, а то и хуже. Несомненно, хуже, учитывая его должность, ни один нормальный человек не согласился бы.

– Значит, – улыбнулась Шарлотта, ясно дав понять, что не верит в подобные сказки, – я стану служанкой колдуна.

Официант ее легкомыслия не одобрил, впрочем, его мнения никто не спрашивал.

Дождь за окном и не думал заканчиваться, зато часы на одной из церквей пробили семь. Нужно поторопиться, ночь накроет Розберг буквально через час. Расплатившись, Шарлотта брезгливо нахлобучила потерявший вид капор и вышла на улицу. Промозглая сырость мгновенно поползла от башмаков вверх по

ногам, однако девушка не собиралась сдаваться погоде. Сверившись с нарисованным официантом планом, она смело вышла из-под навеса и зашагала вниз по Сан Эвита. Вскоре показалась часовня, в честь которой назвали улицу. Небольшая, уютная, она манила войти, но Шарлотта уверенно свернула направо. Два пролета вниз по лестнице, затем в переулок и снова вниз, уже по наклонной улочке. Вот и бульвар Акуш – неровная дуга на рисунке. После тишины старинных узких улочек он оглушил голосами и красками. Словно два разных мира, разделенные стеной дождя. По бульвару ходила конка; то здесь, то там виднелись вывески модных лавок. Воздух пропах духами. Их приторно-сладкий запах долго преследовал Шарлотту даже тогда, когда она оставила Акуш за спиной.

Улица Шиповника шла перпендикулярно бульвару и изгибалась на юго-запад. Нумерация начиналась с другого конца, пришлось немного пройтись. С каждым шагом становилось все тише, возвращалась почти забытая волшебная атмосфера старинных домиков. Теперь Шарлотта понимал, месье Бош вовсе не банкир или некто в этом роде – улицу застроили аккуратными особнячками не выше четырех этажей. И все, абсолютно все они утопали в шиповнике. Он обильно разросся на каждом свободном пятачке. Однако девушка не только любовалась старинными домами, неуловимо напоминавшими центр города в родном Девере, но и подмечала различные мелочи: булочные, мясные, бакалейные лавки, аптеки. Если первых и последних оказалось достаточно, правда, ближе к бульвару, то остальной едой жители закупались в других местах. И всего одна кофейня.

– Рассуждай логически. – Шарлотта скользила взглядом по номерам домов. – Тут живут состоятельные люди, раз их покой не смущают неблагородными запахами.

Двадцать первый дом вырос перед девушкой неожиданно, словно выпрыгнул из засады. Только что она миновала тридцатый, и вот он. Солидный, из потемневшего от влаги песчаника, он двумя этажами с высоким мезонином нависал над небольшим садиком. Благодаря угловому расположению дом обзавелся вторым входом – воротами в глухой, в человеческий рост стене. Поразмыслив, девушка направилась к парадной двери. Может, другим входом давно не пользовались, слишком заброшенным он выглядел. Поднявшись по высоким ступеням, Шарлотта очутилась под спасительной сенью козырька и, чихнув, потянулась за дверным молотком. Его гулкий звук затих где-то в глубине дома. Девушка понимала, это игра воображения. Какой хозяин согласился бы

вздрагивать при визите каждого посетителя?

Шарлотте долго не открывали, словно проверяли на прочность, однако девушка не собиралась уходить. Она в незнакомом городе, уже темно, лучше заночевать на крыльце. Но вот, наконец, отодвинулось смотровое окошко, и суровый мужской голос вопросил:

– Кто?

– Экономка по объявлению.

– Хозяин не принимает.

– А хозяйка?

Нет уж, Шарлотта войдет. Пусть откажут, но внутри, а не снаружи.

– Месье холост.

В голосе слуги промелькнуло легкое презрение, словно девушка метила на место госпожи Бош.

– Тогда ему придется заниматься наймом прислуги самостоятельно. И я советовала бы месье поторопиться, пока оставшиеся без присмотра слуги не начали вести дела вместо него.

Шарлотта сердилась, а когда она злилась, девушка не подбирала выражений. Так или иначе, ее обвинительная тирада возымела действие – лязгнул засов, и дверь отворилась. По ту сторону оказался лакей или кто-то в этом роде, крепкий, коренастый. Он подозрительно смотрел на Шарлотту, она ответила тем же. Неизвестно, сколько бы это продолжалось и чем закончилось, если бы, привлеченный шумом, в переднюю не вышел хозяин. Девушка пока не могла толком его рассмотреть из-за спины лакея, слышала только голос, глубокий и ясный.

– Кто еще там? – раздраженной поинтересовался он.

Шарлотта привстала на носочки, но и сейчас не могла ничего разглядеть. К тому же мужчина крайне неудачно встал, против света, отчего силуэт его расплывался.

– Никто, месье, – обернувшись к хозяину, спокойно, словно речь шла о пустяке, вроде бездомного котенка, доложил слуга, – мадемуазель уже уходит.

– Вовсе нет!

Порой хорошее воспитание может сослужить плохую службу, и Шарлотта решила, сейчас именно тот случай. Она подпрыгнула и отчаянно замахала руками, чтобы таинственный господин Бош обратил на нее внимание.

– Вовсе нет, – чуть запыхавшись и немного тише повторила девушка, – я пришла по поводу работы…

– У нас нет для вас никакой работы, сожалею, мадемуазель.

Ларри шаг за шагом теснил ее к выходу. Противиться ему было все равно что идти против шторма. Но Шарлотта попыталась. Вцепившись в плечо слуги, будто это могло его задержать, она снова попыталась привлечь внимание хозяина особняка. Здесь ли он еще или уже ушел? В любом случае, ни в одном порядочном доме не вышвырнули бы вот так человека на улицу! Если господин Бош допустит подобное безобразие, он не только не дворянин, но и мужчина безо всякой репутации.

– Месье Бош, я по поводу вакансии экономки. Мне сказали…

Проклятый Ларри не дал закончить и, распахнув входную дверь, вытолкал девушку вон, издевательски пожелав: «Доброй ночи, мадемуазель!» Тут уж Шарлотта не выдержала и вскипела. Она успела просунуть саквояж между косяком и дверью и обрушила на голову слуги поток проклятий, перемежавшийся с отдельными бранными словечками, которые девушка слышала на улице. Шарлотта толком не знала, что они означали, но какая разница, главное произнести с нужной интонацией.

– И я ни капельки не удивлена, – заключила она свою гневную тираду и рывком высвободила саквояж, – что у вас нет экономки. Ни одна порядочная женщина не продолжится здесь дольше пяти минут.

Раскрасневшаяся, разгоряченная, Шарлотта гордо повернулась к молчаливому Ларри спиной и собралась с достоинством удалиться, когда чаши весов неожиданно склонились на ее сторону.

– Ларри, верни ее и проводи в кабинет.

Девушка не поверила собственным ушам. Она только что оскорбила месье Боша, а он согласился ее принять. Воистину, Гийом странный человек!

Через пару минут, избавившись от мокрой накидки и капора, Шарлотта скромно замерла у края небольшого цветастого ковра с модным восточным орнаментом. Взгляд ее был устремлен на пол, на грязные следы от туфель. Для полноты позора не хватало только лужицы, стекавшей с подола, и она непременно накапает, если девушка еще немного постоит на одном месте.

Господин Бош предпочитал полумрак – на весь огромный, размеров с гостиную в матушкином доме, кабинет зажжена всего одна лампа на столе. Она мягким, приглушенным зеленым абажуром светом вырывала из тьмы письменный прибор из бронзы и малахита, выполненный в виде скульптурной группы охотников, кожаные корешки книг, стопки бумаг и руки мужчины. Шарлотта в деталях могла рассмотреть каждую складочку, полюбоваться каждой гранью перстня-печатки на указательном пальце и тонким, витым кольцом с аметистом на безымянном. Только вот ее больше интересовало лицо Гийома. Не руки же, в самом деле, примут решение о найме новой экономки!

– Итак, представьтесь.

Голос месье звучал сухо, надтреснуто.

Звякнул графин, руки на время пропали. Выходит, он налил себе воды или чего-то еще. Даме не предложил, но она не в обиде: Шарлотта сейчас не гостья.

Девушка назвалась и еще раз озвучила цель своего визита.

– Ну, и кто наврал вам, будто в моем доме не хватает экономки?

Голос окрасила новая эмоция – насмешка.

– Разве она есть? – в сомнении переспросила Шарлотта.

Ларри довольно быстро провел ее наверх, но особняку явно не хватало женской руки. Вроде, чисто, но сумрачно, ощущение, будто угодила в склеп. И мебель вся в чехлах. Виданное ли дело, чтобы в столовой не накрыли к ужину!

– Нет, – подтвердил ее сомнения Гийом и сделал длинный глоток, – но это не значит, будто я в ней нуждаюсь.

– Определенно, месье! – с жаром возразила девушка. – Я могла бы сделать вашу жизнь намного комфортнее.

– Даже так?

Мужчина явно ей не верил.

– Несомненно. Кто занимается вашим хозяйством? Ларри? Как вышибала он хорош, но поскупился на керосин и масло для светильников. В результате вы сидите тут, словно крот, месье.

– По-вашему, я похож на крота? – Скрипнуло отодвигаемое кресло, и на стол упала длинная тень от фигуры владельца кабинета. – Так меня еще никто не называл, обычно я вызываю ассоциации с другими животными.

– Похожи, – кивнула Шарлотта и поспешно добавила: – Не внешне.

Нужно как-то сгладить неприятную ситуацию. Ох, хорошо бы господин Бош встал не для того, чтобы вторично выставить за дверь!

– Масла тоже закупается достаточно, но свет мешает мыслям, в темноте работается лучше.

Девушка так не считала, но оставила комментарии при себе. Вместо этого она осторожно поинтересовалась:

– И чем же вы занимаетесь, месье, если в столь поздний час не наслаждаетесь едой?

Последнее слово болезненным спазмом сковало желудок, напомнив о скудном ужине самой Шарлотты.

– Похоже, вас нужно покормить, иначе упадете в голодный обморок.

Откуда?.. Она не охнула, не прижала руку к животу, не издала ни звука.

– Моя работа – видеть и знать, мадемуазель. – Девушка готова была поспорить, он сейчас улыбался, устало, натянуто. – Крайне удивительно встретить в Розберге особу, которая не слышала обо мне. Разве матушка или няня не пугали вас страшным Гийомом Бошем?

– Я приезжая, месье, и равнодушна к сплетням и суевериям. Да и вряд ли вы настолько стары, чтобы стать кошмаром моего детства.

Шарлотта вернула улыбку – широкую, искреннюю. Она рисковала, но чувствовала, стоявший по ту сторону стола человек не обидится. Он наговаривал на себя, с какой целью? Поразмыслив, девушка решила, все из-за неуемных охотниц за мужьями. Наверняка Гийом планировал умереть холостяком, вот и выдумал нелепые слухи.

Мужчина рассмеялся, только вот в его голосе не прибавилось тепла.

– Да, вы правы, я еще не убеленный сединами старец. В таком случае, позвольте и вас просить о возрасте.

Шарлотта замялась. В прошлый раз ответ послужил причиной мгновенного отказа. Может, добавить пару лет? А лучше десяток.

– Правду, мадемуазель, я все равно почувствую ложь.

Воистину, он странный! Стоит в темноте, смотрит на нее и будто видит насквозь.

– Двадцать четыре, – выдохнула девушка. – Если вам кажется, что экономка должна…

– Экономка должна нравиться мне, и только, – оборвал Гийом. – Вы пока самое необычное, что переступало мой порог. Считайте, вы приняты.

Шарлотта не поверила собственным ушам. А как же рекомендации, проверка ее компетентности? Рассыпавшись в благодарностях, она попутно пыталась заверить в своей опытности, убедить, что месье не пожалеет о принятом решении.

– Оставьте! – отмахнулся мужчина. – Лучше велите через час подать ужин в столовой – это лучшая проверка на то, ошибся я или нет. И да, вы ужинаете со мной, заодно познакомимся. Обычно я ем здесь, в кабинете, но, раз уж вновь появилась экономка, спущусь вниз. Дальше посмотрим.

Господин Бош позвонил в колокольчик, и на пороге возник Ларри. Складывалось впечатление, будто он дежурил под дверью.

– Отныне ты подчиняешься мадемуазель. Отнеси ее вещи в комнату прежней экономки и разбуди горничную, пусть приведет в порядок. Покажешь мадемуазель Хэмптон кухню и остальные помещения.

Слугу вряд ли обрадовал подобный поворот событий, но он не подал виду.

– Как прикажите, месье. – Ларри поклонился и обратился уже к Шарлотте: – Следуйте за мной, мадемуазель. Давайте я понесу саквояж.

Какая предупредительность! Не так давно он бы с удовольствием выкинул сумку девушки на дорогу.

Экономка, единственная из всей прислуги, спала в комнате со всеми удобствами, правда, в мезонине. Новое жилище чрезвычайно понравилось Шарлотте: целых два окна, на обе улицы, широкая кровать, столик, диванчик, стулья. Складывалось впечатление, что она не прислуга, а полноправный член семьи. И

никаких соседей – остальные комнаты мезонина пустовали. Хозяин обитал этажом ниже, а челяди полагалось спать ближе к кухне на первом.

Горничная Марта, охая, взбивала перину, не зная, за что хвататься: то ли за кровать, то ли за пыль, то ли за печку. Судя по холоду и затхлому воздуху, предыдущая экономка сбежала от Гийома не вчера. Разговорившись с Мартой, Шарлотта выяснила: два месяца назад. Как дом вообще выжил – загадка! Однако за болтовней девушка не забыла о новых обязанностях. Оставив горничную хлопотать наверху, Шарлотта вновь спустилась вниз и, убедившись, что кухарка не собирается саботировать ее указания, занялась сервировкой стола. Именно экономке вверяли ключ от шкафчика со столовым серебром и дорогими сервизами, и рассудительная домоправительница никогда не передаст его в чужие руки, даже на время. Только вот Шарлоттой двигали и другие мотивы: прежде ей не доводилось служить в подобной должности, и она боялась ошибиться, дать поручение не тому, поэтому делала все сама.

За хлопотами отведенное на подготовку время пролетело незаметно.

Шарлотта расставляла посуду, когда ощутила чужое присутствие за спиной. Однако она могла поручиться, что не слышала скрипа паркета. Вздрогнув и едва не выронив затейливый фужер цветного стекла, девушка обернулась и встретилась глазами с мужчиной. Высокий, плечистый, однако не грузный, гибкий, он, чуть склонив голову к левому плечу, пристально наблюдал за Шарлоттой, словно оценивал. Девушка не могла отделаться от мысли, что раньше видела его. Темные волосы, низко посаженные брови, проницательные темно-зеленые, ближе к зрачку практически уходящие в карие глаза, симметричный рот, строго выраженный овал лица… С Шарлоттой такое случалось редко, обычно она помнила всех, с кем хоть мимолетно пересекалась, но незнакомец будто специально желал остаться неузнанным и неведомым образом воздействовал на ее мозг. Вроде, мелькал на периферии сознания схожий силуэт и исчезал вновь. Мужчина был одет в серые брюки, черный жилет в темно-красную полоску из шерстяной ткани, разбавлявшую строгость костюма, и ничем не примечательную белую рубашку. Ни пиджака, ни шейного платка. Последнее навело Шарлотту на напрашивавшийся сам собой вывод:

– Вы Гийом Бош, месье?

Глупый вопрос, но хозяин не позволил рассмотреть себя в кабинете, приходилось гадать. С другой стороны, кто еще мог спуститься в столовую в

подобном виде? Слугам полагалась ливрея, а правила приличия запрещали гостям мужского пола являться без сюртука или хотя бы прогулочного пиджака.

– Приятно познакомиться вторично, мадемуазель Хэмптон. Вижу, – он обвел рукой стол, – я не ошибся, вы знаете свое дело. Но в следующий раз командуйте, а не расставляйте тарелки сами. Прислуге платят за работу, а не за разговоры у очага на кухне. Садитесь!

– Но…

Шарлотта замерла с бокалом в руке.

– Садитесь, – настойчиво повторил Гийом и отодвинул даме стул.

Было в его голосе нечто такое, что у девушки не возникло желания перечить. Казалось, за повторным отказом последует наказание. Шарлотта растеряно поставила фужер и смущенно опустилась на место. Хозяин обращался с ней, словно с благородной дамой, а не с экономкой. Зачем, почему?

– Вы не привыкли к ухаживаниям?

Шарлотта напряглась. Гийом крайне наблюдателен, раз замечал подобные мелочи.

– Каким именно, месье? – однако ответила она максимально спокойно, словно вопрос ничуть не задел ее.

Страх всколыхнулся в Шарлотте несколько по другой причине, вовсе не из-за отодвинутого стула. Господин Бош невольно разбередил прошлое, напомнил о другом мужчине, который красиво ухаживал, а затем заставил бежать от себя на край света.

Гийом усмехнулся, но промолчал. Его поведение крайне не понравилось Шарлотте, хотя кто она такая, чтобы проявлять недовольство хозяином?

– Полагаю, вы не захотите обсуждать данный аспект своей жизни. – Владелец дома сел сам и неспешно разложил салфетку на коленях. – У всех есть свои

тайны, пусть же они останутся таковыми, пока никому не мешают. Распорядитесь насчет лафита.

Девушка кивнула и позвонила в колокольчик. Рядом со странным работодателем ей тоже захотелось выпить, но экономке положено соблюдать умеренность во всем.

– Вы продрогли? – сделав глоток, Гийом вновь обратил внимание на новую прислугу.

Старая работала слаженно, быстро, избегая смотреть на хозяина. Похоже, его здесь боялись.

– Немного.

Шарлотта пока не определилась, как вести себя с господином Бошем, и выбрала лаконичность.

– Тогда выпейте со мной за компанию. Не беспокойтесь, – вновь странная улыбка, – нам не придется часто встречаться. И успокойтесь, Шарлотта, вам ничего не грозит, вытащите палку, которую вы проглотили.

Девушка кивнула. Пусть думает, будто причина ее поведения – смущение. Еще слишком рано, чтобы успокоиться, увериться, что прошлое осталось позади.

Шарлотта никогда прежде не пробовала лафита: для семейства Хэмптон он был слишком дорог. Да и зачем пускать пыль в глаза, заказывая переложенные стружкой и папиросной бумагой бутылки, когда в лавке всегда можно по случаю приобрести молодое вино. Пусть оно кисловато, не может похвастаться богатством вкусового букета, но кто бы мог его оценить? И матушка, и Иветта, их соседи и родственники привыкли к простой пище и простым напиткам, поэтому Шарлотта со смесью стеснения и нетерпения наблюдала за струящейся по стенкам бокала густой рубиновой жидкостью. Гийом налил ее сам, не стал звать служанку. В отличие от Марты, Катарина за все время не проронила ни звука, не повела бровью и, если бы не веснушки и рыжие, гладко зачесанные под чепец волосы, казалась бы вылинявшей копией человека.

Просто смочить губы не удалось, под пристальным взглядом Гийома девушка сделала глоток.

– Оно теплое, – удивленно пробормотала она и запоздало сообразила, что в присутствии хозяина надлежало молчать.

Каждый помни свое место. Экономка – все равно прислуга, пусть даже ей дозволено есть за одним столом с господами.

Рука закрыла рот – глупая детская привычка.

Шарлотта думала, господин Бош рассердится, а он словно не заметил, спокойно объяснил, при какой температуре подают разные вина и почему.

– Мы не успели обсудить детали, месье, – Шарлотта направила беседу в рабочее русло. – Я не знакома с вашими привычками, вкусами, не соблаговолили бы вы немного просветить меня.

– У вас деверский выговор. А привычки у меня чрезвычайно просты: завтрак ровно в семь, чистое белье, всегда свежие сорочки и никаких посторонних в кабинете. Я навожу порядок сам. Так же никакого беспокойства и шума, когда я дома. Ну и умение держать язык за зубами, не совать нос куда не следует.

Деверский выговор… Все внутри Шарлотты заледенело и рухнуло в бескрайнюю пропасть. Какого труда ей стоило сохранить самообладание! Но девушка справилась, даже нашла в себе кивнуть и скупо ответить:

– Разумеется, месье.

– Иногда на мое имя приходят письма. Кладите их на поднос в прихожей или, если я дома, подкладывайте по дверь кабинета. Стучать не надо. А теперь насладимся ужином в тишине, разумеется, если вы не пожелаете немного рассказать о себе.

– Сомневаюсь, будто я смогу развлечь месье, история моей жизни чрезвычайно прозаична.

Шарлотта одновременно солгала и ответила правду.

– Вы совершенно правы, человеческая жизнь обычно до зевоты скучна, – согласился Гийом и принялся за мясо. Он любил стейки с кровью и резал телятину неспешно, смакуя процесс. – А еще скоротечна и глупа. Прошлая экономка оказалась, – мужчина ненадолго задумался, подбирая нужное слово, – слишком эмоциональна, надеюсь, вы проявите выдержку.

Последняя фраза заинтриговала, напомнила предупреждение официанта, но девушка отбросила глупые фантазии. Хозяин имел право на любые причуды, дело Шарлотты – вести дом, а не шпионить за ним.

– Можете положиться на меня, месье, я не склонна сплетничать и падать в обмороки.

– Тогда вы задержитесь в моем доме. Деньги на ведение хозяйства завтра передаст Ларри. И купите новое платье, в этом вы напоминаете нищенку.

Щеки Шарлотты вспыхнули, но она напомнила себе о цели приезда в Розберг и повторила постепенно становившееся привычным:

– Разумеется, месье.

Ей не нужно служить у Боша годами, нужно продержаться, пока все не уляжется, хотя бы пару месяцев, а там можно смело искать других хозяев.

Глава 2

На новом месте всегда плохо спиться, особенно если тебя гложут собственные демоны. Вот и Шарлотта полночи проворочалась в пропахшей лавандой постели и встала перед рассветом, чтобы проконтролировать приготовление завтрака. Дамы в подобных случаях надевали утреннее платье или накидывали халат, но ни того, ни другого девушка не захватила: уезжала налегке, поэтому пришлось заново зашнуровывать корсет и спуститься на кухню во вчерашнем наряде. Одежда не успела толком просохнуть, влажный подол, который пришлось

застирать, и вовсе лип к ногам, но Шарлотта мужественно не замечала неудобств. Главное, у нее есть работа. Неважно, что на тебе надето, важно, как ты себя ведешь. Королева не перестанет быть королевой, если облачится в рубище. Она точно так же с вековым достоинством войдет в залу и приветствует иностранных послов.

Кухня оказалась полна народу: собравшись за большим сосновым столом, слуги завтракали и сплетничали о новой экономке. Завидев Шарлотту, они дружно замолчала и вскочили на ноги. Девушка предпочла сделать вид, будто ничего не слышала, и, пользуясь случаем, рассмотрела подопечных. Почти со всеми она познакомилась вчера, однако нашлись и новые лица: вихрастый подросток и плотный угрюмый мужчина.

– Если бы я знала, что вы так рано встанете, сварила бы кофе. – Кухарка вилась вокруг Шарлотты лисой, лишь укрепив подозрения в фальшивости заботы. – Позвали бы Катарину, она бы завтрак наверх принесла. Прежние экономки у себя трапезничали.

Понятно, слуги не хотели, чтобы она вторгалась в их мирок.

– Посмотрим, может, я так поступлю завтра.

Девушка обежала напряженные, внимательно следившие за каждым ее движением лица и пристроилась на единственное свободное место подле кухарки. Судя по всему, оно принадлежало Ларри: только он отсутствовал, чистил сапоги хозяину или выполнял схожую работу. Несомненно, он не обрадуется, когда вернется, но вставать Шарлотта не собиралась. Нужно с первого дня поставить себя, иначе для всех она останется сопливой девчонкой. Перед Шарлоттой тут же возникла тарелка с хлебом и сыром. Подозрительно заботливая кухарка щедро положила ей омлета с ветчиной:

– Не взыщите, пища у нас скромная…

– Благодарю, я привыкла завтракать тем же.

Пусть не думают, будто она фифа.

Девушка поискала глазами нож и салфетку и, не найдя, принялась за еду. Прежде ей не приходилось отламывать хлеб руками под прицелом десятка глаз, но все когда-то случается впервые.

Однако, пора познакомиться с новыми лицами. Шарлотта повременила с расспросами: на сытый желудок люди словоохотливее. Она не ошиблась, когда дело дошло до чая с галетами, ее персона перестала волновать собравшихся. Слуги расслабились, лениво потекла прерванная беседа. Горничные по секрету делились последними сплетнями, обсуждали чужих мужей, свадьбы и крестины. Кухарка ругалась с мясником, который обвесил ее на четверть фунта. Только угрюмый мужчина молчал. Он пристроился с краешка и едва помещался на табурете, зато усердно работал челюстями. Ну, пора!

– А где Ларри? Он уже позавтракал?

Слуги дружно уставились на нее как на дурочку.

– Помогает господину одеться, – ответила за всех Катарина, чуть выпятив нижнюю губу.

Высокомерная особа! Уже не юная девушка, а до сих пор в горничных. Зато считает себя выше Шарлотты. Ничего, она это исправит.

– Может, вы просветите меня насчет распорядка дня месье, раз вы столь о нем осведомлены.

Катарина вспыхнула, а Марта прыснула в кулак. Шарлотта уловила одобрение в глазах кухарки. Приятно оправдать чужие ожидания.

– Я знаю о нем не более других, – резче, чем требовалось, ответила горничная. – Вы экономка, а не я.

– Приятно, что вы об этом вспомнили. – Девушка с невозмутимым видом отхлебнула из чашки. – Ну, раз экономка я, а не вы, вам надлежит добавлять «мадемуазель» и не огрызаться, а отвечать на вопросы. Встаньте, пожалуйста!

Шарлотта сознательно провоцировала конфликт. Он неизбежен, Катарина продолжит грубить, лучше разрубить узел сразу.

Горничная не сдвинулась с места и потянулась за галетой, словно не расслышала слов экономки.

– Хорошо, – кивнула Шарлотта, – к полудню я смогу дать вам расчет. Необходимо разобраться с домовой книгой, выяснить, сколько вам заплатили в этом месяце и сколько еще должны.

Звякнула посуда на столе – Катарина порывисто вскочила на ноги.

– Вы меня увольняете? – не веря собственным ушам, переспросила горничная.

Подобного оборота она явно не ожидала.

– Да, – Шарлотта мельком глянула на нее. – Раз вы ведете себя неподобающим образом и всячески показываете, что не желаете подчиняться новой экономке, придется.

– Но вы не продержитесь тут и недели! – вырвалось у Катарины.

Щеки ее пошли яркими пятнами, грудь тяжело вздымалась от возмущения.

Кухарка шикнула на горничную, покрутив пальцем у виска, и заискивающим тоном вступилась за провинившуюся:

– Простите ее, мадемуазель. Работа нервная, Катарина устает, вот и сорвалась. Она очень старательная, исполнительная, чудесная служанка. У бедняжки ребенок, уж войдите в положение. Извинись, Катарина! – прикрикнула она на женщину.

Та опустила голову и через силу процедила:

– Простите меня, мадемуазель.

– Вот и славно! – всплеснула руками кухарка, обрадованная благополучным разрешением опасной ситуации. – Уж я прослежу, чтобы она больше вам не грубила. Все от нервов, мадемуазель. Они, проклятые, житья не дают! Сами скоро поймете.

Женщина замолчала и загадочно посмотрела на Шарлотту. Мол, скоро у нее найдутся причины нервничать. Помнится, официант из кафе тоже дурно отзывался о службе у господина Боша. Да нет, вздор, ее просто хотят запугать, вынудить уйти. Только вот те, кому идти некуда, крепко держатся за работу у самого Дьявола.

– Садись, Катарина, – милостиво разрешила Шарлотта и улыбнулась. – Не знала, что у тебя есть ребенок. Где он? Здесь?

– Нет, у матери. Месье поставил жесткое условие.

Временное перемирие или победа? Выясним потом.

– Как же мало я о вас знаю! Пора познакомиться.

Кухарку звали Элизой. Мальчик по имени Жан приходился ей сыном и работал посыльным, а угрюмец Анри – мужем и по совместительству конюхом.

Когда Шарлотта допила чай, на кухне появился Ларри. Присутствие экономки ему не понравилось, но в отличие от Катарины он промолчал.

– Месье велел передать вам деньги. – Слуга протянул потертый кошелек. – Он выделил двадцать фунтов в неделю на хозяйство и дал еще три авансом в счет жалования, чтобы вы привели себя в порядок.

Показалось, или Катарина сдержанно хихикнула? Пускай. Если обращать внимание на мнение каждого встречного, собственного не останется.

Шарлотта сдержанно поблагодарила Ларри и прижала кошелек ладонью – привычка из прошлой жизни.

– Может, вы подскажете, какой распорядок дня месье? Не хотелось бы причинять ему неудобства.

– Каждый день разный, – озадачил Ларри и пристроился на освободившееся место Элизы – кухарка вовсю занималась завтраком для хозяина. – Одно неизменно: он рано встает, не позже половины седьмого, и возвращается поздно, обычно к девяти-десяти вечера. Может заехать пообедать. Вы его не побеспокоите, если не станете досаждать с вопросами. Если что-то нужно, передайте со мной.

– Выходит, вы на особом положении, – усмехнулась девушка.

Ей не понравился подобный расклад сил: зависеть от Ларри, не иметь возможности напрямую говорить с Гийомом.

– Я просто давно служу месье и хорошо знаю его привычки. Потребуется, он сам вас позовет.

Ничего, пройдет немного времени, и посредничество Ларри не потребуется, пока же придется смириться и заниматься непосредственными обязанностями. Понять бы, на чьей стороне кухарка. То ли она союзница, то ли притворяется таковой. Зато Марта бесхитростная душа, Шарлотта надеялась многое узнать от нее.

Пока Ларри неспешно завтракал, не смущаясь присутствия женщин, широко расставив ноги и налегая на стол локтями, девушка раздала поручения. Она жутко волновалась, боялась сделать что-то не так, выставить себя некомпетентной. А ведь впереди утренний визит к господину Бошу. Хоть Ларри не советовал его беспокоить, нужно выяснить, не нужно ли ему чего-нибудь, что приготовить на ужин. Шарлотта планировала зайти к хозяину сразу после завтрака. Не выгонит же ее Гийом, не вытолкает из комнаты! Он, конечно, со странностями, но не сумасшедший.

Сказано – сделано. Дождавшись, пока Катарина принесет на кухню поднос с грязной посудой, Шарлотта решительно направилась наверх. Мысленно она отрепетировала будущий разговор – это помогло унять дрожь, вселить уверенность. Остановившись перед кабинетом Гийома, девушка постучала. Ей никто не ответил, и она осторожно потянула за дверную ручку. Дверь

поддалась.

– Простите, месье, я не хотела вас отвлекать…

И снова тишина, только мерно тикают часы.

Поколебавшись, Шарлотта вошла. Она ничего дурного не делает, просто посмотрит, на месте ли месье. Девушка ожидала оказаться во вчерашнем мрачном помещении, но с утра шторы оказались распахнуты, и комнату заливал робкий розовый свет восходящего солнца. Гийом отсутствовал, но Шарлотта не смогла побороть искушение осмотреться: когда еще представиться случай? Странно, сегодня кабинет предстал совсем другим, будто вчера девушку проводили в чужую комнату, хотя странности никуда не делись. Впрочем, Шарлотта справедливо рассуждала, что любой человек, особенно богатый, имеет право на причуды. Еще в Девере ей приходилось бывать в нескольких состоятельных семьях. Все они обставляли дома иначе, нежели принято в кругу обычных людей: собирали старинную мебель, коллекционировали безделушки или окружали себя аляповатыми картинами. В этом смысле Гийом Бош несильно от них отличался.

Шарлотта задумчиво провела пальцем по ребру пузатого шкафа. За мутным стеклом скрывались корешки книг. А вот и картина – портрет некой женщины. На плечах – тонкое кружево газа, в глазах – печаль. Судя по прическе, одежде модели, манере письма портрет написан давно, в начале столетия, а то и раньше. Интересно, кто та женщина? Девушка попыталась найти фамильное сходство с хозяином – ничего, кроме линии подбородка и цвета волос. Красавица выглядела утомленной, а то и вовсе болезненной. Может, виной всему тени и общий тон портрета, неверно выбранный художником? Слишком много синего и лилового. Углубившись в изучение деталей, Шарлотта не сразу заметила траурный черный бант на плече незнакомки. Прежде их прикалывали к одежде родственники умершего. Интересно, кого она потеряла?

Девушка тщетно искала подпись – ничего. Странно. Положим, художник не стал разглашать имя модели, но своим бы он обязательно поделился. Картины – его единственная реклама, но кто же узнает об авторе, если он сам о себе не заявит.

Оставив портрет за спиной, Шарлотта продолжила осматривать кабинет. Она тактично отвела взгляд от рабочего стола, справедливо решив, что хорошая

экономка не сует нос в чужие дела, а вот непонятная портьера в углу ее заинтересовала. Что там скрывалось? Дверь? Прислушавшись, Шарлотта быстро пересекла комнату и осторожно приподняла край. Зеркало! Ошеломленная, девушка некоторое время простояла с пыльной занавесью в руке. Зачем в кабинете зеркало? Даже самая отъявленная кокетка не повесила бы его здесь, в Гийоме и вовсе нет ни унции жеманства и самолюбования. И зачем прятать зеркало? Его завесили плотной тканью, которую давно не трогали. Не проще ли снять ненужный предмет интерьера и отнести его на чердак?

Чихнув, Шарлотта решительно отдернула портьеру. Пыль разлетелась по воздуху, словно снежинки, паря в солнечных лучах. Какая красота! Зеркало оказалось изумительным, достойным покоев самой королевы. Оно чуть отливало фиолетовым, намекая на благородное старинное происхождение. Резная рама выглядела живой. Десятки цветов и растений переплелись между собой и, казалось, вот-вот переберутся на стену. Их не тронули позолотой, только бережно покрыли лаком, усилив эффект нереального волшебства. Наверху, над головой смотрящего, резчик поместил медальон с тремя буквами: «RIE». Чьи-то инициалы?

Улыбнувшись собственному отражению – ее первая улыбка за последние месяцы, – Шарлотта поправила волосы. Нужно придумать, как их уложить, пучок – не лучшее решение. Ей внезапно захотелось вновь стать женственной, привлекать внимание, а не прятаться от всех в коконе «серой мыши».

– Что вы здесь делаете? Убирайтесь!

Девушка вздрогнула и обернулась. Рот заполнил солоноватый привкус: от неожиданности она прикусила язык. На пороге кабинета стоял хмурый Гийом и в упор смотрел на нее. И опять он выглядел иначе, словно новый день всему подарил другие обличия. Приглядевшись, Шарлотта поняла, что на господине Боше униформа чиновника высокого ранга. Она необычайно ему шла, подчеркивая рост и строение фигуры. Черный сюртук с серебряными галунами идеально подходил образу владельца. Стоячий воротничок накрахмаленной рубашки указывал на твердость его характера. Из общей картины несколько выбивался бледно-серый галстук, заправленный за вырез жилета. Видимо, Гийом выбрал его, чтобы окончательно не превратиться черное облако.

– Убирайтесь! – не слишком вежливо повторил владелец дома и шагнул к Шарлотте. – Кто вам позволил войти?

– Я искала вас, месье, – растерянно пробормотала девушка, обескураженная столь бурной реакцией.

– Если нужны еще деньги, попросите Ларри и никогда, слышите, никогда больше не смейте заходить сюда без спроса!

Гийом грубо оттолкнул Шарлотту со своего пути и порывисто задвинул портьеру. Девушка уловила тень испуга, мелькнувшую на его лице. Чем же мужчину столь встревожило зеркало? Или за ним сейф, тайный ход? Мысль показалась Шарлотте разумной, иначе действия Гийома напоминали поведение сумасшедшего.

– Да уходите же! – в сердцах выкрикнул господин Бош, осознав, что экономка все еще здесь.

Девушка сделала неуклюжий книксен и попятилась к двери. Гийом захлопнул ее у нее за спиной, для надежности заперев на ключ. Нервно проведя рукой по волосам, Шарлотта покосилась на кабинет и вспомнила слова официанта из кафе на Сан Эвита. Не поторопилась ли она с местом работы? Мысль пришла и ушла. «Любому человеку неприятно вторжение в личное пространство, – успокоила себя девушка и зашагала по коридору. – К тому же месье просил не беспокоить его, а я проявила непозволительное любопытство. Он и вовсе мог рассчитать меня». Однако непонятное зеркало и злоба Гийома не давали покоя. Шарлотта думала о них, когда обходила гостевые покои, малую гостиную и прочие помещения второго этажа, не занятые владельцем. Нашлась тут и спальня хозяйки, нежилая и холодная. Она примыкала к опочивальне хозяина и сообщалась с ней потайной дверью. Отыскать последнюю, впрочем, не составило труда, достаточно пристально изучить стену. По определенном причинам Шарлотта предпочла не проверять, заперта ли дверь. Довольно одного скандала!

Ларри не соврал, Гийом не женат и вряд ли когда-то был: время в комнате давно остановилось. Вряд ли какая-то дама моложе пятидесяти лет согласилась бы на горку подушек и кружевное покрывало. Обои успели выцвести, рисунок в виде бородатых драконов едва угадывался. Пустой туалетный столик, паутины в гардеробной, пыльный пуфик… И яркий прямоугольник обоев на стене, над ним – гвоздь. Выходит, некогда здесь висела картина или зеркало, потом их сняли и убрали. Куда, зачем?

– Тайны хозяев не твои тайны, – тихо сказала самой себе Шарлотта. – Оставь их демонов в покое и разберись со своими. А еще лучше устрой в доме генеральную уборку. Судя по грязи, Марта и Катарина не слишком утруждаются. Пусть комнаты нежилые, их нужно содержать в образцовом порядке.

* * *

Глупо, но Шарлотта боялась выйти из дома. Она находила десятки предлогов, чтобы остаться, помогала служанкам выбивать ковры и до последнего оттягивала поход по лавкам. Однако обязанности экономки предписывали самостоятельный выбор продуктов, в таком деле нельзя положиться на кухарку, и волей-неволей девушке пришлось покинуть дом на улице Шиповника. Болтливая Марта вызвалась составить ей компанию, наверняка чтобы сбежать от стирки. Шарлотта не возражала. Она чужая, ничего не знает, опять же вдвоем спокойнее. Вряд ли назойливое прошлое согласится приблизиться, если рядом Марта. «Да нет его в Розберге! – сердито убеждала себя Шарлотта, скользя взглядом по фасадам домов и рассеянно слушая болтовню горничной. – Он не настолько хитер, чтобы выследить меня и приехать тем же поездом. Раз так, у меня есть время, достаточно времени, чтобы подготовиться и достойно ответить на удар. Надеюсь, его и вовсе не последует. Глупо гонятся по всей стране за какой-то простолюдинкой!» Девушка немного лукавила. Она понимала, обида слишком велика, чтобы забыть ее столь скоро.

– Мясо лучше покупать у Бари, у него всегда свежее, – ворвалась в голову трескотня Марты. – Вы напрасно сами пошли, я сама могла бы.

Шарлотта отмахнулась. Нет уж, нельзя поручить такой важный аспект как питание горничной, не понравится Гийому отбивная и все, конец. Девушка не имела права на ошибку.

– Где здесь рынок? Полагаю, начать надлежит с него.

По опыту Шарлотта знала, настоящая свежесть таится среди лотков с рыбой и торговцев каштанами. Безусловно, она осмотрит окрестные бакалейные лавки и булочные, но после. «А еще платье, – услужливо напомнил внутренний голос, – господин ясно выразился, твое ужасно». Шарлотта задумалась: куда сначала? В итоге решила, лавка готового платья найдется у рынка, заодно покупка

обойдется дешевле. Не потребует же господин Бош отчета за каждый пенс, выданный в счет жалования, а так девушка смогла бы начать откладывать на «черный день». Никогда не знаешь, когда он наступит. Шарлотта мысленно тяжко вздохнула и погрузилась в недавнее прошлое: на коленях букет полевых цветов, рядом, на покрывале, корзинка для пикника, в ушах – сладкие речи. И она поверила, чтобы больно обжечься, узнать цену уязвленному самолюбию аристократа.

Ближайший рынок находился в пешей доступности, не пришлось трястись на конке. Он занимал большой павильон с чугунными колоннами неподалеку от берега реки. Сонная, мутная, она качала на волнах многочисленные лодочки и служила приютом десятку крикливых чаек. Шарлотта догадывалась, вечерами картина меняется, появляется разительный контраст между нижней и верхними набережными.

От Марты девушка узнала, рынки в Розберге делились на два типа: для богатых и для бедных. На первые, крытые, не чурались ради развлечения заглядывать дворяне, вторые, открытые, облюбовали представители третьего сословия.

Шарлотта неспешно прогуливалась между прилавками и отдельными лавочками, приценивалась и не спешила с покупками. Она пропускала мимо ушей сладкие слова зазывал, убеждения, что владелец поставляет сыры ко Двору Его Величества. Марта терпеливо плелась следом с корзинкой на локте. Девушка видела, как она с тоской озиралась по сторонам: новая экономка мешала поболтать с подружками. Смилостивившись, Шарлотта ненадолго отпустила служанку, условившись встретиться с ней у мясных рядов, а сама направилась к шляпному магазину. Женщину делает женщиной вовсе не платье, а правильно подобранный головной убор. Шарлотта ненавидела жуткий капор, который вынуждена была надеть, пришло время от него избавиться.

Громко звякнул колокольчик, привлекая внимание модистки. Она прервала разговор с покупательницей и живо обернулась к двери, попутно надев на лицо наисладчайшую улыбку.

– Чем могу помочь, мадам? У нас самый лучший товар, один в один со столичным.

В последнем Шарлотта сомневалась, но спорить не стала: девушка уже заприметила нужную шляпку. Скромная, серая, с небольшими полями и белой

лентой на тулье, она идеально подойдет к любому наряду и не позволит спутать обладательницу со знатной дамой. В то же время простолюдинка такую не наденет – словом, выгодная и правильная покупка, оставалось только примерить.

Отчаявшись предложить покупательнице последние, то есть более дорогие модели, разочарованная модистка вернулась к прерванному разговору. Шарлотта поневоле прислушалась, когда вторая женщина в ужасе прижала ко рту затянутую в перчатку руку.

– Ее так и нашли, бедняжку! – продолжала быстро шептать модистка, склонившись к лицу собеседницы. – Вся в крови, платье разорвано. Мясник, и тот бы пришел в ужас!

– Да кто же мог?.. – Женщина обмахнулась дорожным веером. – На улицу выйти страшно, уже четвертая! И ладно бы где – в нашем благополучном квартале!

Модистка ловко вытащила из кошелька на поясе нюхательную соль и протянула клиентке. Та благодарно кивнула.

– Говорят, – хозяйка лавки понизила голос, – среди них ни одной падшей женщины. Сначала мы полагали, но полиция… Словом, скверные времена!

– Скверные! – поддакнула обладательница веера.

– Ну, как вам, мадам?

Встрепенувшись, модистка обернулась к Шарлотте. Она сообразила, что, заслушавшись, застыла с поднятой рукой, придерживая поля.

Четвертая убитая женщина… По спине пробежал холодок. Отыне вечерние прогулки под запретом. Хотя куда Шарлотте ходить? В театр? Ресторан? На жалование экономки не пошикуешь. Словом, встреча с таинственным преступником ей не грозила.

– Я возьму ее, – повертевшись перед зеркалом, кивнула девушка.

Она успела прочитать цену на бирке, та вполне устраивала.

Модистка с трудом скрыла гримасу. Мысленно женщина причислила покупательницу к третьему сорту – пустая трата времени, никакой прибыли. Вот если бы Шарлотту заинтересовали шляпки на манекенах или образцы в каталогах… Особенно образцы. Тогда бы модистка усадила ее, предложила чаю с печеньем и услужливо кружилась бы вокруг покупательницы. Теперь же… Одно разочарование!

Зашуршала оберточная бумага, и через пару минут Шарлотта вышла из лавки со шляпной картонкой под мышкой. Издали заприметив Марту, девушка улыбнулась и с добродушной укоризной покачала головой. Горничную окружал рой поклонников, кто-то даже подарил служанке скромный букетик фиалок. Она трепетно прижимала его к груди и стреляла глазами по сторонам. Заметив экономку, Марта приосанилась. Шарлотта мгновенно ощутила себя безумно старой, а ведь Марта ненамного моложе, сошла бы за ее младшую сестру. «А ты и есть старуха. – Внутренний голос умел хлестать по щекам. – Никому не нужная старая дева, чей удел – чужие дома. Не мешай ей наслаждаться молодостью». «Вот и хорошо, что никому не нужная, – вступила Шарлотта в мысленный диалог с самой собой. – Лучше чужие дома, чем улица и ночная работа за два пенни». Она могла бы поспорить с еще одним определением, но не стала: зачем ворошить болезненное прошлое? Девушка приехала в Розберг, чтобы навсегда забыть о нем, а оно упорно гналось следом, приходило во снах, подкарауливало посреди дня.

– Ему нет до меня никакого дела, – крепко сжав пальцы, пробормотала Шарлотта. – Ему достаточно, что я уехала и не проболталась.

Хотелось бы верить, хотелось бы верить…

– Вижу, вы с покупкой, мадемуазель.

Слова Марты вернули к реальности. Девушка заставила себя улыбнуться и беспечно ответила:

– Да, немного обновила гардероб. Господин Бош полагает, я слишком скучно одеваюсь.

– Странно, что он вообще заметил. – Похоже, служанка не испытывала особого почтения к хозяину. – Иногда мне кажется, что даже землетрясение оставит его равнодушным. А вам бы, – Марта смущенно запнулась, но уверенно продолжила, – действительно не мешало бы приодеться. Кто вас в таком за экономку примет?

– И как же, по-твоему, одеваются экономки? – со смешком уточнила Шарлотта.

Марта очаровательна! Столь непосредственна, юна и болтлива, но последнее ничуть не утомляло. Наоборот, без словоохотливости Марты девушка была бы обречена на тишину и тотальное неведенье.

– Хотя бы так.

Горничная ткнула пальцем на проходившую мимо даму в зеленом платье и шляпке в тон. Шарлотта мысленно примерила ее наряд на себя. Она заменила бы отделку платья с желтой на белую и выбрала цвет поспокойнее, но в целом… Ей вдруг безумно захотелось купить себе новое платье и накидку, непременно красную. Глупое желание! Лучше практичный серый, неприметный, надежный. Страх боролся с женщиной, и последняя победила.

– Хорошо, – к радости горничной смирилась Шарлотта, – посмотрим платье, еду ты сама закажешь по списку с доставкой. Только смотри, – в девушке проснулась строгая экономка, – не бери первое попавшееся!

– Обижаете! – насупилась Марта и невзначай добавила: – Вы бы на рынок Элизу или Анри посылали, это их работа.

– И как, господин доволен их покупками?

– Ему все равно, – пожала плечами служанка. – Говорю же, ничего его не волнует. Элиза сначала пробовала готовить деликатесы, а потом махнула рукой, сытно и ладно.

Шарлотта прищелкнула пальцами возле ее носа.

– А мы сделаем так, чтобы господин Бош запоминал каждый обед или ужин. Ну-ка, я набросала список…

Девушка порылась в сумочке и извлекла сложенный осьмушкой листок, заодно проверила, на месте ли деньги. Уфф, не украли! Осторожнее нужно быть, не ловить ворон.

– Я все же сегодня сама пройдусь, выберу продавцов. А потом платья. Ты ведь любишь крутиться перед зеркалом, Марта?

– Кто же не любит, мадемуазель. – Потупившись, горничная чиркнула носком по земле. – Только денег нет.

Ничего, если отношения сложатся, Шарлотта подарит ей что-нибудь.

– Иди, назначай свидание, я пока мясо выберу.

Девушка покосилась на стайку терпеливо дожидавшихся хохотушку кавалеров. Она не собиралась мешать чужой личной жизни или, того хуже, бороться за чужую нравственность. Марта просияла и обещала отойти буквально на минуточку. Шарлотта проследила за ней взглядом и еще раз покачала головой. Лишь бы не принесла в подоле, как Катарина! Пусть на кухне это не обсуждали, девушка не сомневалась, никакого отца у ее дочки нет, иначе бы женщина не прислуживала у Боша, а девочка не жила у бабки. Мужчины ветрены, не стоит верить их сладким словам. Шарлотте повезло, все могло закончиться намного хуже. Вновь отогнав призрак прошлого, девушка углубилась в мясные ряды. Здесь тоже обсуждали недавнее убийство. Выбирая мякоть и грудинку, Шарлотта поневоле прислушивалась. Подробности леденили кровь. Девушек неизменно находили возле реки. У всех разодрано горло, у одной и вовсе вырезано сердце. Вместо одежды – лоскуты. Все девушки приличные, пусть и бедные, работали белошвейками, продавщицами, официантками, по словам родных, поздно возвращались домой. И не доходили. Никаких свидетелей, никто не слышал криков. Пропадали только мелкие нательные драгоценности, вроде, колец и цепочек. Опять же не все, выборочно. Остальные ценные вещи, если таковые имелись, оставались нетронутыми – выходит, убивали не ради наживы.

– Изувер это, а то и вовсе нечистая сила, – охотно делился предположениями мясник, отвешивая Шарлотте товар. – Там не человек, мадам, человек бы так не

мог. Аки зверь какой!

Девушка поежилась. Вот и не ходи после такого в церковь!

– Последняя бедняжка образ святой в руке сжимала, не помог.

Мужчина тяжко вздохнул и деловито поинтересовался, возьмет ли Шарлотта товар. Та кивнула и решила брать здесь грудинку каждую неделю. Мясо хорошее, всегда пригодится, зачем искать другую лавку?

Вскоре корзинку Марты пополнили кролик и перепела. К ним Шарлотта присмотрела фунт вишни – раз Элиза хорошая стряпуха, справится. Остальное на кухне найдется, еще с утра девушка убедилась, кладовая полна яиц и всяких овощей.

После пришло время для удовольствий. Отправив служанку с покупками домой, Шарлотта отправилась на прогулку по торговому бульвару. По дороге на рынок она заприметила несколько занятных лавок, но побоялась зайти: вдруг бы не хватило денег? Однако после покупки шляпки их осталось достаточно, останется даже на сорочки. Шарлотте непременно хотелось кружевных, завернутых в хрустящую надушенную бумагу. В Девере она носила другие, полотняные. Мать неустанно повторяла, деньги даются слишком тяжело, чтобы тратить их на всякую ерунду.

Упоенная предвкушением встречи с прекрасным, Шарлотта взбежала по ступенькам большого магазина, чьи широкие витрины обещали угодить самой взыскательной моднице. Когда девушка взялась за дверную ручку, ладони вспотели, но она таки переступила порог магазина. В отличие от лавки модистки у рынка, сюда заходили благородные дамы, даже имелся собственный посыльный. Еще бы, ведь рядом богатый квартал, та же улица Шиповника. В нос сразу ударил сладкий запах духов. Девушка на минутку опешила и тут же угодила в цепкие руки продавщиц. И вот она в растерянности уже не стояла у двери, а щупала сорочки, решая, какие взять. Голова кружилась от пьянящей радости. Шарлотта не сомневалась, что оставит здесь весь полученный аванс, поэтому, пока не забыла, робко заикнулась о платье.

– Конечно! – Продавщица сделала знак товарке, чтобы та занялась новой покупательницей, и обернулась к девушке. – Что-нибудь конкретное,

мадемуазель? Готовое или на заказ?

Как хотелось бы на заказ, но тогда бы Шарлотте пришлось заложить собственную душу. Хватит того, что она намеревалась потратить больше, чем когда бы то ни было.

– Две хлопчатые и одну шелковую, – приняла сложное решение девушка. – А еще чулки, четыре пары. Одну непременно теплую.

– Может, пять, мадемуазель? И две теплых? – с улыбкой предложила продавщица.

Хорошо вышколенная, она не обращала внимания на внешний вид покупательницы, думая лишь о выгоде магазина.

– Пожалуй, – сдалась Шарлотта.

Господи, во сколько же это обойдется?!

И вот, перевязанные лентами, в вожделенной хрустящей бумаге, вещи отправились на прилавок, а девушка стояла в примерочной, решая, на каком платье остановить выбор. Одно шло ей больше, нарядное, с цветочным рисунком, но стоило… Едва ли Шарлотта могла его позволить, поэтому выбрала серое с белой кружевной отделкой, под шляпку. Ничего, если господин Бош останется доволен ее работой, а он останется, девушка купит другое, заодно накидку.

Когда Шарлотта расплачивалась на кассе, – как она все точно рассчитала, денег оставалось только на мелкие радости, вроде пары чашек кофе, – ее окликнула незнакомая женщина в шляпке со страусовыми перьями:

– Вы ведь новая экономка Бошей?

Недоумевая, чтобы от нее могло понадобиться даме – прислуга зонтиков и белых перчаток не носила, – девушка кивнула.

– Увольняйтесь, милая, пока не поздно! – подойдя к ней, горячо зашептала женщина.

– Кто вы? – нахмурилась Шарлотта.

Она не любила подобных советов от незнакомцев.

– Госпожа Дебюле, ваша соседка. Но это неважно, милая. Мне жаль вас! – Женщина громко вдохнула и приложила платок к глазам. – Других некому было предупредить, у вас есть я. Попросите расчета и уходите. Только не говорите господину Бошу о нашем разговоре!

– Почему? Что мне угрожает? Мадам?

Но госпожа Дебюле уже скрылась за дверьми, оставив Шарлотту терзаться вопросами и сомнениями.

Глава 3

Шарлотта поправила воротничок платья и замерла над подносом с письмами и прочей корреспонденцией. Надлежало рассортировать все, забрать счета и отнести остальное господину Бошу. Вчера он вернулся поздно, вернее, девушка понятия не имела, когда Гийом переступил порог собственного дома. Элиза напрасно старалась, и обед, и ужин остыли на кухне. Кухарка злилась: мог бы предупредить, Шарлотта философски пожимала плечами. У хозяина могли возникнуть неотложные дела, он не обязан ставить прислугу в известность. Можно было бы расспросить Ларри, который лучше остальных знал привычки Гийома, но экономка сочла подобное любопытство неудобным. Еду благополучно разделили на всех присутствующих и легли спать. Все, кроме Ларри. Он, словно сторожевой пес, остался дожидаться хозяина в прихожей. Утром, когда экономка поинтересовалась, готовить ли завтрак для месье, слуга ответил утвердительно и вызвался отнести его Гийому. То есть в последний раз Шарлотта видела господина Боша вчера в кабинете, после он превратился в человека-невидимку. У каждого свои причуды. В который раз повторив эту фразу, девушка вернулась к письмам. Не все из них попадали на поднос, часть

валялась на полке для перчаток, увесистый пакет и вовсе обнаружился в приемной.

Счета отправлялись в карман фартука, одолженного у Марты, остальное Шарлотта аккуратно выкладывала на поднос, сначала механически, но затем не сразу, пару минут повертев в пальцах. Особенно ее интересовали плотные серые конверты без имени отправителя. Подобных анонимок накопилось с десяток, пакет принадлежал к их числу. Почерк ровный, только вот перьевая ручка давно нуждалась в замене – царапала бумагу, оставляла кляксы. Поразмыслив, Шарлотта пришла к выводу, что она казенная или из гостиницы: с собственной обращались бережнее.

Странно, никаких личных писем, хотя даже девушка в бытность жизни в Девере получала весточки от родных и подруг. Тут же складывалось впечатление, будто господин Бош один во всем мире, одни серые безликие конверты или коричневая оберточная бумага.

Оно выпало из стопки анонимок, когда Шарлотта случайно задела ее рукой. Дорогая плотная белоснежная бумага, темно-красная печать с вензелем. Великий Боже, да он королевский! Не веря, девушка таращилась на знакомые буквы. Точно такие же чеканили на монетах и печатали на банкнотах, ошибиться невозможно. Перевернув конверт, Шарлотта убедилась, что он отправлен Канцелярией Его Королевского Величества.

– Ну и ну! – Девушка покачала головой и положила конверт поверх остальных.

Гийом птица высокого полета, раз получает подобные письма. В отличие от остальных на нем не стояло имя получателя – выходит, доставили курьером.

Подхватив поднос, Шарлотта поднялась наверх. Ноги подрагивали. Как отреагирует господин Бош на ее появление? Вчера он очень сильно разозлился, лучше бы не показываться ему на глаза. С другой стороны, ей нужно всего лишь подсунуть конверты под дверь. Только вот как поступить с пакетом? Он слишком велик, чтобы поместиться в щелку. Мелькнула трусливая мысль попросить Ларри передать почту хозяину, но Шарлотта прогнала ее. Раз в обязанности экономки входит доставка писем, нужно сделать все самой. Но вот и заветная дверь. Шарлотта со вздохом присела на корточки и по одному пропихнула конверты в узкую щель. Их тут же забрали – выходит, Гийом дожидался ежедневного

ритуала. Раз так, разумнее спросить его, как поступить с пакетом.

– Простите месье, – набрав в грудь больше воздуха, скороговоркой выпалила девушка, – тут прислали на ваше имя… Оно большое, не помещается.

– Что еще?

Дверь резко распахнулась, едва не ударив Шарлотту по лбу. Она не успела встать и самым постыдным образом плюхнулась на пол.

Гийом Бош выглядел так, будто не спал всю ночь: глубокие тени под глазами, пробивающаяся на лице щетина, несвежий воротничок рубашки. Последняя, расстегнутая на груди, обнажала дорожку темных курчавых волос. Как всякая воспитанная девушка, Шарлотта предпочла не заметить беспорядка в костюме хозяина и смотрела строго ему в глаза.

– Вставайте!

Не дождавшись, пока экономка поднимется сама, Гийом легко, одной рукой вздернул ее на ноги и, нагнувшись, подобрал поднос.

– Это ваше.

Холодный металл ткнулся в девичьи пальцы.

– Простите, месье, я не хотела вас беспокоить, но на ваше имя пришел пакет.

Показалось, или в кабинете господина Боша кто-то был? Шарлотте почудился запах духов, пригрезилась тень, скользнувшая у окна. Странно, если бы хозяин вернулся не один, об этом бы шептались. Девушка сделала шажок в сторону, чтобы попытаться удовлетворить любопытство. Увы, фигура Гийома заслоняла почти весь дверной проем.

– Заходите, если вам так любопытно. Хотя бы сделаете это в моем присутствии, а не тайком.

Щеки Шарлотты вспыхнули: господин Бош напомнил о вчерашнем недостойном поступке.

– Еще раз простите, месье, вы совершенно правы, я…

– Хватит! – Гийома раздражала пустая болтовня. – Мне не нужны извинения, мне нужны извлеченные уроки. Итак, пакет. Можете положить его на стол, заодно заберите газеты. Иногда диву даешься, какую чушь пишут репортеры!

Письма, все до единого, лежали возле письменного прибора. А ведь до двери далеко, господину Бошу не хватило бы времени, чтобы собрать их, дойти до стола и вернутся к Шарлотте. Еще одна странность, которая по счету. «Наверное, он отдал их той женщине», – решила девушка. У всего существует рациональное объяснения, конверты по воздуху не летают. Пусть гостьи не видно, она могла притаиться за портьерой, а то и вовсе скрыться за потайной дверью. Только духи остались, тяжелые, цветочные, приличествующие вечернему времени, а не утренним визитам. Вот и объяснение внешнему виду Гийома – он провел ночь с дамой.

– Что-нибудь еще, месье?

Шарлотта обернулась к господину Бошу. Газеты она уложила на поднос и собиралась после почитать, раз хозяину они уже без надобности. Провинциалке в большом городе полезно оставаться в курсе новостей.

Гийом задумался, почесав кончик носа.

– Пожалуй, нет, – после недолгого молчания выдал он. – Сегодня я целый день дома, поэтому вы обедаете и ужинаете со мной. Надеюсь, – лицо на миг исказила брезгливая гримаса, а взгляд скользнул по девушке, – к столу вы выйдете в платье, а не в обносках. Или лавки Розберга недостаточно хороши для вас?

Кончики ушей Шарлотты вновь поалели, дорожное платье, которое девушка прежде считала приемлемым, теперь казалось одеждой нищенки. Чистое, выглаженное, оно все равно не подходило для дома на улице Шиповника.

– Как прикажете, месье. Но, с вашего позволения, я оставлю платье для домашних работ.

– Оно изуродует даже горничную, – фыркнул господин Бош.

Несмотря на помятый внешний вид, сегодня он пребывал в хорошем расположении духа, раз вздумал говорить с экономкой и даже шутил.

– Садитесь-ка!

Гийом махнул рукой на стул для посетителей и закрыл дверь. Теперь кабинет освещала только узкая полоска света, падавшая из неплотно зашторенного окна, и настольная лампа.

Сто раз пожалев о своем решении, Шарлотта все же осторожно поинтересовалась:

– У месье светобоязнь? Тогда я прикажу не зажигать вечером света.

Господин Бош пару минут внимательно разглядывал ее, сжимая и разжимая гибкие длинные пальцы, а потом равнодушно пожал плечами:

– Привычка. Вы не можете расстаться с бедностью, я – с тьмой.

Гийом шагнул к окну и резким движением отдернул портьеру. Хмурый осенний день ворвался в кабинет, превратил его из таинственного логова чудовища в самую обычную комнату.

– Как видите, мне нестрашен солнечный свет, но он частенько мешает мыслям.

Шарлотта оставила при себе вопрос, какие думы требуют кромешной темноты.

Погасив лампу, господин Бош остановился возле девушки, перебирая письма. Серые конверты он безжалостно откидывал в сторону, один даже упал на пол. Шарлотта терпеливо ждала, когда Гийом вновь обратит на нее внимание. Раз хозяин попросил задержаться, существует повод.

– Хм, уже так скоро!

Господин Бош повертел в пальцах письмо с королевской печатью и убрал в ящик стола.

– Я навел о вас справки…

Шарлотта напряглась. Вот оно, вот о чем он собрался поговорить! Но Гийом не знает, он не может знать… А если вдруг? Тогда ей прямо сейчас укажут на дверь.

– Удивительно, что такая девушка вдруг подалась в экономки. Вы получили образование, из хорошей, пусть незнатной семьи, неужели в Девере так плохо с женихами?

Однако девушка умела держать удар.

– Как одно связано с другим, месье?

– Напрямую. Работать приходится только тем, кому не на кого рассчитывать.

Шарлотта опустила голову и глухо пробормотала:

– Я именно из таких, месье.

Это единственная правда, которую он услышит.

Брови Гийома поднялись.

– Вот как? Еще два месяца назад вы так не считали и готовились к замужеству.

– Вас обманули, месье, – твердо возразила девушка и смело, как не полагалось женщине, посмотрела ему в глаза. – Никто никогда не делал мне предложения, а в Розберг меня привела забота о престарелой матери. Лавка не приносит много дохода, здесь я могу отсылать родным гораздо больше.

И ни слова о том, что никто не оставил бы матери ни пенни, если бы за прилавком стояла Шарлотта, хотя еще месяц назад ее улыбка зазывала туда покупателей.

– Разве?

Испытывающие темно-зеленые глаза остановились на девушке. Он все знал. Пусть не говорил, но это читалось в чуть приподнятой верхней губе, складке возле рта, притаилось в глубине зрачков.

– Вас обманули, месье. – Шарлотта тем не менее отчаянно цеплялась за соломинку.

– Или вас, мадемуазель.

Зашуршала подкладка пиджака, небрежно накинутого поверх рубашки – Гийом таки опустился в кресло. Девушка вздохнула чуть спокойнее. Когда он стоял рядом, на расстоянии вытянутой руки, ей не хватало сил для защиты, теперь их стало больше.

– Так какая версия верна?

Похоже, господина Боша забавляла устроенная игра в кошки-мышки, он даже улыбался, только улыбка вышла темной, злобной. Шарлотта остро ощущала исходившую от него опасность. Гибкий зверь, хищник. Такой не прислуживает, а привык подчинять. Но ему ее не сломить.

– Никакая. Если я вам больше не нужна, месье…

Она поднялась, но цепкие пальцы Гийома перехватили ее руку. Шарлотта обернулась к нему, всем своим видом демонстрируя недовольство. У экономок тоже есть гордость и чувство собственного достоинства, видит бог, как бы девушка ни цеплялась за работу, она не останется в доме, где с ней дурно обращаются.

– Сядьте! – Приказ прозвучал неожиданно мягко, даже вкрадчиво. – Моя работа предполагает знание правды, поэтому как бы вы ни старались…

Господин Бош не закончил и виновато пожал плечами, словно извиняясь за то, что секрет Шарлотты перестал быть для него тайной. Пальцы разжались, и девушка поспешила спрятать руки за спину.

– Меня ждет расчет? – Она не села, говорила твердо, смотря в глаза работодателя.

– Нет.

Ответ Гийома удивил. Любая порядочная семья указала бы девушке на дверь, именно поэтому она сбежала в Розберг, где ее никто не знал. А еще, чтобы скрыться от него, своего злого гения.

– В качестве платы за мое великодушие скажите правду. Я не требую подробностей, всего лишь хочу удостовериться, что моя экономка не способна лгать. Не беспокойтесь, – заверил Гийом, – ваш рассказ не уйдет за пределы моего кабинета. Поверьте, он слышал куда более шокирующие признания, а здесь, – он указал на груду писем в серых конвертах, – хранятся грязные секреты Розберга.

– Кто вы? – сглотнув, сдавленно поинтересовалась Шарлотта и отступила на шаг.

Ей вдруг стало страшно. Чудаковатый хозяин в воображении превратился в монстра. Грязные секреты… Не шантажист ли он? Тогда понятно, отчего официант отговаривал от службы в доме на улице Шиповника.

Вместо ответа господин Бош вскрыл ножом для бумаг конверт с королевской печатью и протянул Шарлотте.

– Я не могу, – замотала она головой и заслонилась от хозяина рукой.

– Там всего лишь приглашение на мое имя, – настаивал Гийом. – Заодно указана должность. Думаю, написанная, она шокирует вас меньше, нежели произнесенная моими устами.

Он поднялся и вышел из-за стола, с легким любопытством наблюдая за метаниями девушки. Той одновременно хотелось сбежать и остаться. В итоге

долг победил.

– Я не читаю чужих писем, месье, скажите сами. – Шарлотта вновь взяла себя в руки и надела маску светскости. – Даже если вы признаетесь, что служите палачом, я не упаду в обморок.

– Вы почти угадали, мадемуазель. – Улыбка вышла широкой, пусть и холодной, бездушной. – Я начальник местного департамента полиции.

– Округа? – с затаенной надеждой спросила девушка.

Как же она ошибалась! Окажись Гийом палачом, не смог бы нанести столь сокрушительный удар. Теперь понятно, откуда господину Бошу известно столь много. Он не блефовал, ее прошлое для него – раскрытая книга.

– Всего города. Понимаю, не слишком приятное открытие… – Хозяин кабинета потер виски и положил письмо обратно на стол. – Чтобы сгладить потрясение, могу предложить вам рюмочку смородинового ликера. Понимаю, пить до обеда – дурной тон, но в некоторых случаях можно.

С этими словами он направился к небольшому низкому шкафчику, оказавшемуся баром, и извлек оттуда бутылку с граненым фужером. Гийом налил самую малость, прикрыв донышко на два пальца, и протянул Шарлотте. Не совсем понимая зачем, она взяла, безучастно наблюдая за тем, как хозяин ставит бутылку обратно в бар.

– Выпейте и рассказывайте. – Господин Бош остановился против нее, давая понять, малой кровью девушка не отделаете. – Осведомителям известно далеко не все, а я предпочитаю не держать в доме людей, чье прошлое и настоящее мне неизвестно. Ничего личного, мадемуазель, всего лишь забота о собственной безопасности.

Шарлотта кивнула. Она понимала.

Настойка пришлась кстати, помогла немного снять напряжение. Однако девушка по-прежнему не знала, как начать. Она комкала подол, избегая смотреть на неумолимого Гийома, а потом ринулась в омут с головой.

– Тот мужчина не обещал на мне жениться, месье, я врала родне, чтобы избежать пересудов. Хотя тогда я искренне полагала, предложение руки и сердца последует. Он красиво ухаживал, приходил в лавку матушки, катал в экипаже. Однажды… – Ей потребовалось глотнуть воздуха, чтобы заставить себя признаться в двойном преступлении. – Однажды мы поехали на пикник, и он… Я не желала этого и посмела прилюдно обвинить его в насилии. Он дворянин, как раз проходили выборы в местный муниципалитет… Словом, по моей вине он лишился места, блестящей карьеры и обещал превратить в мою жизнь в ад.

Плечи девушки поникли. Она ожидала порицания, того, что ее немедленно вышвырнут из дома, но Гийом молчал, и его безмолвие пугало еще больше. Следовало поднять голову, взглянуть на него, но Шарлотта не могла. Щеки ее пылали. Она ощущала себя убитой, раздавленной. От прошлого не убежишь, человек вечно носит его с собой. Никакие характеристики не смоют позорного пятна.

– Вы ни в чем не виноваты.

Шарлотта вздрогнула и изумленно уставилась на господина Боша. Ей послышалось? Как может быть невиновна девица, столь легкомысленно относившаяся к своей чести и чести своей семьи? Девушке не следовало принимать ухаживаний Мишеля Гадара.

– Подобный поступок не красит мужчину, – продолжил Гийом. – Напрасно вы не заявили на него в полицию.

– Но я никто, а он шевалье! – воскликнула Шарлотта.

– Без разницы, – отрезал владелец кабинета. – Не придавайте значения его угрозам, здесь вы в безопасности.

Девушке безумно хотелось спросить, отчего вдруг господин Бош встал на ее сторону. Закон за Мишеля, ведь Шарлотта скомпрометировала себя, поехала с мужчиной по доброй воле. Разве она могла не понимать, чего от нее хотят? Но девушка действительно не понимала, матушка никогда не говорила о подобных вещах. А потом отворачивалась, кривила губы, считая дочь нечистой, падшей.

– Благодарю за откровенность, мадемуазель. Теперь мои противоречие разрешились. Обед можно подать к двум, а теперь я вас не задерживаю.

Подхватив поднос с газетами, девушка удалилась с максимально возможной поспешностью. Сердце летело впереди хозяйки. Что, если все узнают? Особу с подмоченной репутацией не возьмут ни в один дом. Матери постараются держать от нее подальше детей, чтобы те не подхватили заразу порока, а сами начнут воротить нос, будто Шарлотта пропахла грехом. Никому дела нет до обстоятельств случившегося, важен только результат. Да и разве с добропорядочной девушкой такое случилось бы? Никогда. А если и да, она бы старалась держаться подальше от людских глаз, не портила бы карьеру уважаемому человеку. Пусть Гийом и обещал молчать, экономка не особо доверяла его словам. Мужчины врут со спокойным выражением лица, слова для них ничего не стоят, так, рубашка, которую можно без труда сменить к ужину. Особенно полицейские. Они начисто лишены этики, вряд ли господин Бош станет покрывать новую прислугу. С другой стороны, несмотря на свои странности, он показался Шарлотте порядочным человеком.

Девушка не помнила, как очутилась в своей комнате. Она ураганом пронеслась по лестнице, закрыла дверь на замок и только тогда почувствовала себя в безопасности. Чтобы немного успокоиться, унять пульсировавшую на шее жилку, Шарлотта с ногами забралась в кресло – все равно никто не видит, – и взяла первую попавшуюся газету. Политика усыпляет, светская хроника и подавно. Однако ожиданиям ее не суждено было сбыться – на третьей странице девушка наткнулась на заметку о недавних убийствах. Сначала она хотела пропустить ее, но затем таки вернулась, жадно вчиталась. Журналист оказался куда словоохотливее модистки и мясника на рынке. Он сумел выяснить род занятий и семейное положение каждой из жертв, щедро снабдил читателей кровавыми подробностями и в конце сделал даже собственные выводы. Если верить газете, в Розберге орудовал маньяк, и новое преступление не заставит себя ждать. Как уже слышала Шарлотта, погибали исключительно девушки третьего сословия, только их оказалось пятеро – еще одну нашли за городом пару месяцев назад, но особого значения не придали. Когда же начались похожие убийства, репортер раскопал сведения о ней. Никакой общности во внешности не прослеживалось, среди жертв попадались как худенькие, так и пышки, как блондинки, так и шатенки. Их объединял только возраст – моложе двадцати и отсутствие кольца на пальце. Все работали допоздна и возвращались домой в одиночку. Несчастных насиловали, а после буквально разрывали на куски. По следу преступника пробовали пустить собаку, но она словно теряла нюх и кружилась на месте. Это еще больше наводило обывателей на мысль о

потустороннем существе.

– Вряд ли на такое способен человек! – поежилась Шарлотта, мужественно осилив описание расправы. – Или газета врет.

Наверное, преступник орудовал ножом, только изуверски, оставляя рваные раны. Они походили на следы зубов, но собаки точно никого не насиловали и не могли бесследно скрыться в ночи. Служащие муниципалитетов проверили, никто не жаловался на бродячую стаю.

Словом, газета не успокоила, а, наоборот, еще больше возбудила Шарлотту, и она решила заняться уборкой. Действие всегда успокаивает, заодно, пока возишься с тряпкой, можно все обдумать, принять взвешенное решение. И девушка направилась на кухню, догадываясь, что застать прислугу именно там. Предположение оправдалось, даже Жан вертелся возле матери, выпрашивая кусок румяного пирога. Приказ экономки слуги восприняли без особого энтузиазма, только Элиза обрадовалась.

– Хоть раз в год кто-то наведет порядок в доме! – с облегчением выдохнула она и затопила духовку. – И хозяин в кой-то веки нормально поест. А то вечно на минутку заскочит, а то и вовсе на весь день пропадет, только продукты зря трачу. Вы уж обедайте с ним, мадемуазель, – подмигнула она, – тогда он чаще оставаться станет.

– О чем это вы? – нахмурилась Шарлотта.

Неужели Элиза решила, будто между ней и Гийомом что-то есть? Вздор! Как только можно предположить подобную нелепицу! Или местные полагали, будто должность экономки девушка получила за особые услуги? Подобные сплетни нужно пресекать в зародыше.

– Ну, – замялась кухарка, вытерев руки о передник, – вы молодая, красивая…

– Не понимаю, куда вы клоните, – жестко ответила девушка. – Кажется, это приличный дом, а господину Бошу не требовалась куртизанка.

Слуги с интересом следили за их диалогом и не вмешивались. Анри хмурился, Катарина, наоборот, улыбалась. Мол, знает она все, бесполезно притворяться. Шарлотта догадывалась, со второй служанкой возникнут проблемы, нужно при первой возможности рассчитать ее и найти новую, иначе девушка рисковала остаться на улице без рекомендательных писем. Господин Бош может решить, будто Шарлотта сама распускала сплетни об их интимной связи, набивала себе цену.

– Безусловно, мадемуазель. – Элиза закашлялась и пошла пятнами. – Я ничего такого не имела в виду. Просто мужчине приятнее есть с симпатичной девушкой, а не в одиночестве. Опять же, вдруг чем-то угостить ее захочет. А одному какая надобность в столовую спускаться?

Шарлотта пожевала губы, осмысливая услышанное. Во-первых, как бы кухарка ни пыталась утверждать иное, она подозревала интерес хозяина к девушке. Во-вторых, Гийом солгал, предыдущие экономки не сидели с ним за одним столом. Или он им просто не предлагал? Тогда у Элизы есть основания предполагать некую заинтересованность господина Боша. Только тот, к счастью, никак ее не проявлял, наоборот, не горел желанием подпускать слишком близко.

– То есть прежде месье обедал и ужинал у себя? – девушка решила прояснить хотя бы этот вопрос.

– Когда как, но обычно да. Если не придут гости, Катарина поднос ему наверх относила.

– А прежние экономки?

– От них молоко бы скисло, – подала голос ухмылявшаяся Катарина. – Вылинявшие старые девы.

И выразительно посмотрела на Шарлотту. Та сделала вид, будто намека не поняла, и подумала завтра же озаботиться поиском новой прислуги. Рассчитывать Катарину она сразу не станет, дождется, пока найдется достойная замена. Хозяин по голове не погладит, если некому станет приносить ему кофе.

– Вероятно, они устраивали господина Боша, – пожала плечами девушка.

– Долго не задерживались, – фыркнула Катарина и без спроса отрезала себе кусок пирога. – Одна и вовсе посреди ночи сбежала. Другая совала нос во все углы, донимала хозяина, он сам ее выставил.

И снова быстрый взгляд на Шарлотту. Мол, сиди тихо и не высовывайся.

– Дела хозяина вел я, – лениво протянул Ларри и от души потянулся. – И веду до сих пор. От женщин все равно никакого проку.

Девушка бы поспорила, но не стала. Вместо этого она раздала поручения и сама не погнушалась принять деятельное участие в уборке. Шарлотта выбрала мезонин и, вооружившись метелкой и тряпкой, начала обходить комнату за комнатой. Правда, чтобы отыскать ключи, пришлось повозиться: на общей связке их не оказалось. Повсюду лежал толстый слой пыли. Чехлы на мебели посерели и пожелтели от времени. Затхлый воздух давил на грудь, приходилось настежь распахивать окна.

Старый добрый метод помог, а, может, свою роль сыграла перепалка с Элизой, но Шарлотта уже не тряслась от мысли, что Гийом сделает ее тайну всеобщим достоянием. Глупо надеяться, будто можно надежно похоронить прошлое. То, что знают двое, непременно узнает весь мир, нужно просто подготовить достойный ответ.

В одной из комнат Шарлотта обнаружила книжный шкаф. Само его наличие казалось полной нелепицей: в доме имелась библиотека, куда девушка собиралась вечером наведаться. Опять же книги держали в кабинете, там, где им место, но уж точно не в спальне. Заинтересовавшись, Шарлотта потянула за выпуклую ручку. Она догадывалась, что шкаф закрыт, однако попытаться стоило. Каково же было ее удивление, когда створка поддалась, и на экономку пахнуло смесью пыли и типографской краски. Чихнув, девушка провела пальцем по стершимся корешкам. Книги старые, судя по внешнему виду, выпущены задолго до ее рождения. Она наугад взяла первую попавшуюся – дамский роман. Шарлотта нахмурилась. В доме абсолютно не чувствовалось женского присутствия, о прекрасном поле напоминал только занавешенный портрет, а тут «Эмилия, или Спасенное сердце». В мезонине, где господа не жили и жить не могли. Кому же принадлежала книга? Шарлотта аккуратно поставила ее на место и взяла следующую – «Любовная магия в вопросах и ответах». Девушка фыркнула. Неужели кто-то верил в подобную чушь! На подобных руководствах зарабатывают шарлатаны, пользуясь наивностью отчаявшихся выйти замуж или

удержать супруга женщин. Она собиралась поступить с книгой точно так же, как и с первой, но заметила во втором ряду краешек переплета. Томик не стоял, а лежал на полке, тщательно укрытый собратьями, чтобы достать его, пришлось вытащить еще пару книг. Находкой оказалась не книга, а толстая тетрадь в кожаном переплете. Шарлота неосторожно повернула ее срезом вниз, и из нее выпал лист бумаги. Девушка поспешно подняла его и удивленно подняла брови. Лист оказался эскизом, точь-в-точь повторявшим орнамент рамы зеркала. Удивительное совпадение! Но совпадение ли? Зеркало явно заказывали для женщины, вдруг Шарлотта случайно обнаружила ее библиотеку? Девушка вложила лист с эскизом под обложку и, присев за небольшой круглый стол, перелистнула авантитул. Девственно пустой, он не принес новых сведений. Владелица не пожелала подписать тетрадь. Далее Шарлотте попалось еще несколько пустых страниц, она даже решила, что записная книжка новая и завалилась на дно полки по ошибке, но тут наткнулась на первую запись. Лаконичная, она мгновенно приковала внимание: «Началось! Оно забрало его». Девушка нахмурилась. Кого – «его»? И почему «оно», а не «они» – логичнее говорить о людях как об одушевленных предметах. Если бы речь шла о болезни, тоже значилось бы «она». В крайнем случае «он», но не «оно». Позабыв о метелке, Шарлотта жадно вчиталась в следующую запись. Даты не стояло, владелица вела дневник хаотично, да и вряд ли это можно было в полной мере назвать дневником, так, отрывочные переживания, мысли. «Надеюсь, вознаграждение стоит жертвы, но я бы никогда не пошла к нему, если бы знала, чем все закончится. Следовало верить людям, а я посмеялась».

Разворачивавшаяся на страницах тетради история напоминала плохо скомпонованный мистический роман, столь популярный в начале столетия. Автор нагнетал страху, не удосужившись посветить читателя во все детали. Из обрывочных записей Шарлотта поняла лишь, что женщина сожалела о неком поступке и тяжело переживала смерть любимого человека. Затем у нее трагически погиб сын, и она терзалась сомнениями, стоит ли рожать второго ребенка, не постигнет ли и его печальная участь. В итоге владелица дневника решилась. Судя по всему, сын появился от случайного мужчины. Последней значилась запись: «Надеюсь, нелюбовь спасет его». Шарлотта несколько раз перечитала короткую фразу – именно так, ничего не стерто. Обычно спасались любовью, а тут мать говорила о холодности к сыну как благе для него. Странная женщина!

Девушка положила дневник на место и вернула вынутые книги на полку. Однако прочитанная история не шла из головы. Создавалось впечатление, она не выдумка, не плод сумасшедшего воображения. Только вот расспросить о бывшей

владелице комнаты некого, слуги не знали прежних хозяев, разве только Ларри, но обращаться к нему по известным причинам девушка не хотела. Она не сомневалась, он сразу доложит о любопытной экономке хозяину, и Гийом поступит с Шарлоттой так же, как с прошлой владелицей ключей от столового серебра.

Глава 4

– Я уезжаю, подготовьте все необходимое.

О своих планах Гийом сообщил походя за завтраком, между тостами и чашкой кофе. Сегодня он столовался вместе с Шарлоттой, правда, за всю трапезу едва ли перебросился с ней десятком слов. Погруженный в себя, господин Бош постоянно посматривал на часы, из чего девушка сделала вывод, что он опаздывает на поезд.

– Надолго, месье?

Экономка деловито промокнула губы салфеткой и приготовилась запоминать.

– Возможно. Точный срок мне неизвестен.

Нервозность Гийома усилилась, теперь он не только следил за стрелками часов, но и машинально поглаживал запястье. Шарлотта решила, это одно из проявлений тревоги – кто-то расчесывает кожу, кто-то ее просто трогает. Единственное, она не могла понять, отчего обычная поездка вызывает у хозяина столь сильные эмоции. Или ответ кроется в его «возможно»? Господин Бош служит в полиции, не отправляется ли он на розыски особо опасного преступника? Обычно начальники сидят в кабинетах, но, если общественный резонанс слишком велик, а положение злодея – высоко, всякое возможно. Или Гийом и вовсе опасался за собственную жизнь и попросту бежал из города. Словом, приказ хозяина породил в голове девушки тысячу догадок и сомнений, однако она не задала ни одного вопроса, сделала вид, будто все в порядке вещей.

– Значит, я должна ориентироваться на пару недель, – кивнула девушка и потянулась к колокольчику. – Насколько понимаю, приготовления надлежит начать немедленно.

– Совершенно верно, – кивнул Гийом. – Поручите все Ларри, он знаком с моими… – он сделал короткую паузу и продолжил с мрачным оттенком: – Причудами.

«Вы могли бы обратиться к нему сразу», – Шарлотта не озвучила мысль, которая напрашивалась сама собой. В подчинении экономки горничные, Ларри стоял особняком. И тут вдруг хозяин передает приказы через Шарлотту. Зачем? Чтобы наладить служебную иерархию? Он не мог не знать, отношения между этими двумя оставались отчужденными, прохладными.

– Хорошо, я немедленно займусь этим.

Девушка встала, но Гийом удержал ее.

– Вы еще успеете покончить с тостами – поезд только в одиннадцать.

Шарлотту немного напугала улыбка, которой господин Бош приправил последние слова. Складывалось впечатление, будто мышцы сковал паралич. Однако Гийом нормально двигался, говорил, и девушка списала все на обычную гримасу. Однако сколько же странностей у хозяина!

Вопреки ожиданиям, Ларри внимательно выслушал поручение и обещал подготовить вещи за полчаса.

– Господин опять едет за город, – пояснил он, Шарлотту даже удивила его непривычная словоохотливость, – в загородный дом. Месье бывает там примерно раз в месяц, остается на пару дней и возвращается.

– И вы сопровождаете его? – воспользовавшись ситуацией, девушка постаралась выяснить как можно больше.

– Нет, только до вокзала. Дальше господин едет один. Обратно тоже возвращается без сопровождающих. Да там немного вещей, походный саквояж.

Экономка задумчиво почесала кончик носа. Поведение Гийома не вписывалось в установленные нормы.

– Но если вдруг что-то случится, вы знаете, как его найти?

Вряд ли в доме установлен кристаллический телеграф, да и станция наверняка так мала, что нет никакой связи с Розбергом.

– Я был там однажды, – неохотно ответил Ларри, давая понять, дальнейшее обсуждение ему неприятно, – при необходимости дом найду.

Шарлотта побоялась приставать с дальнейшими вопросами, хотя количество их возросло в геометрической прогрессии. «Чем меньше знаешь, тем лучше спишь», – назидательно отдернула себя девушка и занялась насущными делами. В конце концов, каждый человек имеет право на одиночество.

Ларри не солгал, пухлый коричневый саквояж появился в прихожей ровно через полчаса. Еще через пару минут туда спустился Гийом. Он сменил мундир на гражданскую «тройку», дополнив ее непромокаемым плащом, перчатками и цилиндром.

– Ну вот, дом в вашем полном распоряжении. – Преисполненный воодушевлением от предстоящей поездки, господин Бош обернулся к вышедшей провожать его Шарлотте. – Можете по своему усмотрению выбросить хлам и навести чистоту.

– Даже в ваших комнатах, месье? – осторожно уточнила девушка.

Она слишком хорошо помнила прошлую попытку войти в кабинет и сомневалась, будто хозяин изменит правила. Однако Шарлотта ошиблась. Гийом потянулся к брюкам и достал из кармана связку ключей.

– Я нашел вас стоящей доверия. – Холодный металл перекочевал в руки экономки. – Но переставлять что-либо запрещаю. В кабинете вытрите пыль, не более. Вы ведь усвоили урок, мадемуазель?

Он выразительно посмотрел на нее, против воли заставив потупиться. Оба понимали, о чем шла речь.

– Не беспокойтесь, месье, я неукоснительно следую всем вашим указаниям.

Гийом удовлетворенно кивнул. Подали экипаж, и он, не прощаясь, скрылся за дверью.

Связка ключей обжигала, хотелось немедленно избавиться от нее. Шарлотта никак не могла понять, в чем дело. Она пристально осмотрела каждый ключ, ощупала каждую зазубрину. Металл как металл, ничего необычного. Выходит, просто нервы. Немудрено – слишком велика цена ошибки, экономке доверили доступ к запретному. Гийом утверждал, будто доверяет, но она все та же, почему в первые дни Шарлотте запрещалось переступать порог кабинета, а теперь господин Бош вдруг смилостивился. Единственное логичное объяснение – ее тайна. Отныне она в руках хозяина, Гийом может быть уверен, девушка не попытаться выискивать его собственные.

В доме на улице Шиповника закипела работа. Воспринимая слова господина Боша как руководство к действию, Шарлотта устроила генеральную уборку. То, что не успели осмотреть за прошедшие недели, вычистили и перебрали, с мебели сняли чехлы и либо заменили новыми, белоснежными, либо выставили на всеобщее обозрение. Работали с утра до вечера, торопясь успеть к приезду хозяина. Экономка принимала в уборке самое деятельное участие и с молчаливого дозволения Ларри занялась кабинетом и приемной – таковая в доме тоже имелась. Впервые очутившись в ней, Шарлотта едва не задохнулась от пыли. Но деятельная девушка решительно взялась за возвращение комнате прежнего вида. Начальник городской полиции – это фигура, у него все должно сиять, пусть посетители не томятся в прихожей, а проходят сюда, в приемную. Ведь ей когда-то пользовались, девушка нашла подшивку старых газет, но потом вдруг перестали.

– Ну вот, так-то лучше!

Стоя на верхней ступени стремянки, Шарлотта удовлетворенно рассматривала морской пейзаж. Теперь, когда она привела в порядок холст и раму, краски заиграли, проступили мелкие детали. Внизу тоже чистота – стулья перетянуты, сукно на столе заменено, часы снова ходят. Девушка неожиданно поняла, что ей

нравилось возвращать к жизни старый дом. Прежде Шарлотта воспринимала уборку как неизбежную рутину, теперь же она превратилась чуть ли не в акт творения.

– Что-то вы скажете, месье, когда увидите свое преображенное жилище?

Девушка аккуратно спустилась вниз и положила метелку для пыли на нижнюю ступеньку. Мысленно пробежавшись по списку дел, экономка направилась к двери. Осталось проследить за работой горничных и со спокойной душой отправляться в библиотеку. Шарлотта успела ее полюбить – оазис мечты и спокойствия посреди большого города. Гийом и его предки собрали неплохую коллекцию, девушке нравилось шуршать страницами атласов, любоваться эстампами. На сегодня она отложила сборник занимательных афоризмов. Острый на язык автор умело вскрывал общественные нарывы, но столь изящно, что хотелось не хмуриться, а улыбаться.

– Мадемуазель, можно вас на минуточку?

Шарлотта обернулась и увидела Ларри. Улыбка медленно стекла с ее лица: слишком суровый вид имел слуга. Сложив руки на груди, намеренно или нет загородив проход, он исподлобья смотрел на девушку.

– Что-нибудь случилось? – встревожилась она. – Несчастье с месье?

Ларри покачал головой и сделал шаг к ней.

– Случилось. Не изображайте, будто ничего не знаете, приберегите ангельские глаза для месье. Я с самого начала говорил, брать вас не следует, мы прекрасно обошлись бы без экономки, но хорошенькое личико сделало свое дело.

Кончики ушей Шарлотты вспыхнули, однако голос ее дрожал не от волнения, а от негодования.

– Что вы себе позволяете?!

Девушка сняла передник и, тщательно сложив, положила на стол. После она снова обернулась к Ларри, полная решимости положить конец гнусным

домыслам и тотальному неподчинению.

– Я не отбирала вашу должность, не посягаю на любовь хозяина. И не вам решать, кто будет служить в этом доме.

– Боюсь, именно мне, – ухмыльнулся слуга и, порывшись в кармане, извлек из него кошелек. – Узнаете?

– Впервые вижу. – Подбородок Шарлотты горделиво задрался к потолку. – Хватит ломать комедию! Меня не волнует ваша ревность и нелюбовь к женщинам.

– О нет, – осклабился Ларри, – тут совсем другое дело. За него сажают в тюрьму.

Какую тюрьму? Девушка ничего не понимала.

– Поясните! – потребовала она.

– Этот кошелек нашли под вашим матрасом. Вы воровка, мадемуазель, украли деньги хозяина. Тут и инициалы его имеются, – мужчина ткнул пальцем в правый угол кошелька.

Шарлотта замотала головой.

– Этого не может быть, это какая-то ошибка!

Дурацкая выдумка, чтобы под надуманным предлогом выставить ее вон.

– Кошелек обнаружила Катарина. Она не стала его трогать и позвала меня. Как видите, не напрасно.

Катарина! Теперь все стало на свои места. Мерзкая горничная затаила обиду и при первом удобном случае подставила экономку.

– И только? – Однако Шарлотта не собиралась так просто сдаваться. – Любой мог подбросить кошелек, я не запираю дверь. Да и не кажется ли вам странным, что

я столь опрометчиво прятала деньги? Горничная бы непременно их нашла.

– Да, войти в вашу комнату мог любой, мадемуазель, зато ключи от кабинета были только у вас, – нанес сокрушительный удар Ларри. – Только вы могли незаметно войти и забрать деньги.

Девушка сокрушенно молчала. Денег она не брала, даже не знала, где Гийом хранил их, но не находила достойного аргумента, чтобы возразить. Слуги убирались в кабинете в ее присутствии, связка всегда лежала в кармане. Но вор ведь украл кошелек, а после подложил Шарлотте. Оставалось понять, как он это сделал.

– По-моему, вы тоже имеете доступ к комнатам господина Боша.

– Мои ключи передали вам, – Ларри разрушил хрупкий бастион защиты. – Да и зачем мне красть кошелек, когда месье много лет выдает любую сумму по первому требованию. Я мог бы озолотиться за прошедшие годы. Нет, воровка именно вы, мадемуазель.

Шарлотта на пару минут лишилась дара речи от подобной наглости. Чтобы она – и украла? Как у Ларри язык только повернулся обвинить ее! Наконец совладав с эмоциями, девушка потребовала проведения расследования.

– Пусть докажут, что именно я положила кошелек туда, где его нашли. До тех пор я отказываюсь считать себя виновной.

Слуга нахмурился.

– Хотите, чтобы я заявил в полицию?

– Хочу, – без запинки с жаром подтвердила девушка.

Страх перед шевалье Гадаром отступил на второй план, Шарлотта жаждала справедливости. Она ни на минуту не сомневалась, деньги подложила Катарина. Мерзавка умело воспользовалась антипатией Ларри и отъездом хозяина. Она все просчитала, кроме одного: Шарлотта крепче, чем кажется. И если кто-то уйдет с позором, то именно служанка.

– Ведь я ее позову, мадемуазель, – уже без прежнего обличающего энтузиазма предупредил Ларри.

Идея привлечь блюстителей порядка ему явно не нравилась.

– Я не боюсь, наоборот, готова всячески сотрудничать с инспектором. Безвинным не страшны допросы.

Шарлотта держалась с поистине королевским достоинством. Она смирилась с перспективой провести ночь в камере – назавтра ее точно отпустят. Положим, участок не самое лучшее место для порядочной девушки, но Шарлотта не первая и не последняя, кто попадал туда по ошибке. Осудить ее не осудят, даже извиняться. Главное, не оказаться в одной камере с убийцами, а соседство бродяжек, воровок и девиц легкого поведения экономка как-нибудь переживет. Они и вовсе могут оказаться милыми людьми – не все ступали на кривую дорожку преступления по доброй воле.

– И еще я требую поставить в известность господина Боша.

– Исключено! – отрезал Ларри. – Хозяин категорически запретил его беспокоить.

– Однако вам придется, – напирала Шарлотта. – Только он волен меня уволить, не вы. При всем уважении, Ларри.

Слуга скрипнул зубами и проглотил ее слова. Увы, правда была на стороне экономки, именно ее оставили главной.

– Ладно, – буркнул он, – поедем! Но учтите, хозяин не станет слушать детский лепет, его вы не одурачите.

Девушка пожала плечами.

– Даже не собиралась. Я спущусь через пару минут, если боитесь, что сбегу, заприте дверь.

Вернувшись к себе, Шарлотта тщательно завязала ленты новой шляпки, словно собиралась на обычную прогулку и ничуточки не волновалась. С той же

тщательностью она натянула перчатки и взяла накидку. Уложив в ридикюль пудреницу и носовой платочек, девушка подвела губы и чуть тронула румянцем щеки. Разнообразные женские мелочи появились в ее арсенале недавно, после набега на бульвар. Шарлотта сэкономила на еде и, поколебавшись, потратила сдачу на парфюмерную лавку, добавив часть собственных сбережений. Считать ли это воровством? Девушка убедила себя в обратном. Она вернет все с жалования, до последнего пенни. Должность экономки богатого дома требовала определенного внешнего вида, а Шарлотту порой принимали за обычную служанку.

Ларри поджидал девушку в прихожей. Окинув ее неприязненным взглядом, он едко прокомментировал преображение:

– Зря стараетесь, господин дамочек видит насквозь.

Шарлотта рассмеялась, настолько комичным показалось высказывание собеседника, и заметила:

– Для обольщения нужно обладать другой внешностью.

Ларри предпочел замять тему и взял девушку под руку:

– Чтобы не сбежали.

Обернувшись, Шарлотта заметила Катарину. Она выглядывала из-за угла и казалась чрезвычайно довольной. Еще бы, пока все шло по намеченному плану. Девушка не смогла промолчать и громко, чтобы служанка точно расслышала, произнесла:

– Не надейтесь, Катарина, сюда я по-прежнему вернусь экономкой.

Голова Катарины скрылась из поля зрения. Служанка предпочла притвориться глухой, а Ларри мрачно пробормотал, не обращаясь ни к кому конкретному:

– С самого начала нужно было гнать, напрасно господин приказал впустить!

Шарлотта прикусила язык, чтобы не вступить в бесполезную перепалку. Ее задача – доказать свою невиновность Гийому, а не заручиться поддержкой Ларри. Ревность свойственна не только супругам и любовникам, бороться с ней невозможно. Оставалось надеяться, слуга со временем поймет смехотворность своих опасений, Шарлотта никогда не займет его место.

По приказу Ларри Анри поймал извозчика, и до вокзала они добрались быстро, даже с комфортом. Девушка вспомнила свое знакомство с Розбергом, жесткие сиденья конки, колючий ветер в лицо. Сейчас она устроилась на мягком сиденье и могла не прятать лицо от холодных порывов и капель дождя. Он зарядил с утра противной серой моросью, которая, судя по плотно затянутому тучами небу, не собиралась заканчиваться. Какое удовольствие находил господин Бош в загородном отдыхе поздней осенью? Разве только он любитель долгих вечеров у камина.

Расплатившись с извозчиком, все так же не выпуская из цепких рук Шарлотту, Ларри направился к кассам и взял билет до Мадален. До поезда оставалось время, и они провели его в вокзальном буфете: девушка выпила кофе, а ее спутник – глинтвейну.

Пригородный вагон второго класса отличался от спального, в котором Шарлотта прибыла в Розберг. Впрочем, тогда она не выбирала и взяла первый попавшийся билет на ближайший поезд. Деревянные лавки одна за другой, одинокий столик в центре вагона, на который разносчики выкладывали свой товар. Их тут было множество, один сменял другого, наперебой предлагая газеты, сандвичи и даже зонты. Через полчаса подобной поездки начинала болеть голова, и Шарлотта вздохнула с облегчением, когда они сошли в Мадален. Она оказалась небольшой живописной деревушкой, раскинувшейся под стенами бывшей королевской резиденции. От замка остались одни руины, зато Мадален обзавелась своей церковью и занимательной торговой улочкой, где продавали местные вкусности. По словам Ларри, отсюда до дома Гийома полтора часа пешком или вдвое меньше на пролетке. Девушка предложила прогуляться: ей требовалось подумать, тщательно выстроить линию поведения.

– Тут брусчатки нет, – предупредил Ларри и покосился на ее ботинки, – быстро замараетесь.

Шарлотта окинула взором открывавшийся со станции вид на поля и неохотно признала правоту слуги. Облепленный землей и глиной подол не прибавит очков

в глазах господина Боша.

Стоянка извозчиков располагалась тут же, у спуска с платформы. Выходит, не только Гийом облюбовал здешние места для загородного отдыха. Сейчас на бирже дежурил всего один видавший виды фаэтон. С другой стороны, и его могло не оказаться.

Тряская дорога, казалось, состоявшая из одних ям и кочек, наставила немало синяков. Шарлотта не раз мысленно прокляла рессоры экипажа, которые не могли смягчить ни единой неровности, и жалела, что послушала Ларри. Пусть дорога местами раскисла, но на обочине нашлась бы относительно сухая тропка. По пути девушка заметила пару вилл, окруженных тенистыми садами – те самые летние дома богачей. Они скучились возле озера, но фаэтон не свернул туда, а покатил дальше, к холмам и серо-фиолетовой кромке леса. Совсем нелюдимые места выбрал господин Бош! Наконец, когда Шарлотта начала сомневаться, не заблудились ли они, показался дом, издали напоминавший замок: остроконечные башенки по углам, лишенные всяческих украшений стены из песчаника, черепичная крыша. Если бы не скромные размеры и большие окна, девушка бы действительно приняла его за твердыню прошлого. Дом органично вписался в окружающий ландшафт – земля перед ним осталась нетронутой, только под окнами первого этажа парадного фасада разбили цветник. Он тоже показался Шарлотте странным: обычно высаживают розы, а тут непритязательные цветы. Только ровные ряды грядок и отсутствие сорняков наводили на мысль, что он не творение природы.

Вопреки ожиданиям, фаэтон не остановился у крыльца, а затормозил у подъезда к дому. Ларри с явной неохотой расплатился и пару раз нервно поправив ворот куртки, соскочил на землю и помог выбраться Шарлотте. Чем ближе они подходили к заветным ступеням, тем чаще сглатывал слуга. Его не просто что-то беспокоило – он боялся, хотя всячески пытался это скрыть. Тревожность Ларри передалась девушке, теперь она тоже иначе всматривалась в темные окна. Ни единого огонька, ни единого звука… Да дома ли Гийом?

– Стучите сами!

Ларри неожиданно отпрянул назад и подтолкнул Шарлотту к крыльцу. Определенно, со слугой творилось что-то неладное. Неужели господин Бош так страшен в гневе? Девушка дернула плечиком и поднялась по ступеням. Глупости все, а любой выговор можно пережить.

Дверь и дверной молоток оказались занятными, Шарлотта потратила пару минут на их изучение. Резьба, медные вставки – настоящее произведение искусства. Девушка спиной ощущала дыхание Ларри. Он тоже стоял на крыльце, но пока не вмешивался, не торопил. Сполна удовлетворив любопытство, Шарлотта постучала и вздрогнула: многократно усиленный звук эхом разнесся по дому. Сначала ничего не происходило, и девушка намеревалась повторно доложить о себе, уже взялась за молоток, когда дверь резко распахнув, явив всклокоченного Гийома. Босой, в одних подштанниках, он походил на безумного.

– Какого Дьявола?! – рявкнул он и заморгал, сообразив, кто к нему пожаловал.

Шарлотта замерла, где стояла. Следовало бы посторониться, извиниться за внезапное вторжение, а она, поправ нормы приличия, таращилась на мужчину. И если бы увиденное являлось тайной – Мишель успел посвятить в куда большие подробности, но девушка все равно смотрела. Оно было… другое. Нет, тело человеческое, только необычно мускулистое, крепкое, как гитарный гриф. А ведь господин Бош не производил впечатление силача, умело прятал под рубашкой рельефные мышцы. Сейчас они бугрились, соблазнительно перекатывались при каждом движении. Любой атлет в цирке удавился бы от зависти при виде Гийома Боша. И его ноги, Шарлотта не предполагала, что можно восхищаться мужскими икрами. Остальное, плотно обтянутое тканью, тоже наводило на определенные мысли, но девушка не согласилась бы их озвучить даже под угрозой смертной казни. Охнув, она запоздало сообразила, чем занята, и отвела глаза. Хозяин мог истолковать все превратно, если он уже этого не сделал. Бросив взгляд украдкой, девушка к странному облегчению убедилась, Гийом не почувствовал ее интереса, он был слишком зол.

– Ларри! – Голос господина Боша походил на звериный рык.

Шарлотта стояла ближе, но мужчина будто не замечал ее, сосредоточившись на слуге. Тот окончательно растерял смелость и все чаще посматривал на дорогу, словно раздумывал, не сбежать ли, не оставить ли экономку одну в пасти льва. Рык повторился, и Ларри неохотно поплелся к Гийому, встал вровень с Шарлоттой.

– Что она здесь делает? – Господин Бош ткнул в девушку пальцем.

Таки помнил о ее существовании. А раз так, мог бы извиниться и сходить за халатом. Мужчину в подобном виде дозволено находиться в спальне с женой и служанкой, но никак не на крыльце со служанкой. Однако Гийома не смущала практически абсолютная нагота, он держался так, словно стоял в костюме-тройке.

– Это не моя вина, месье, – тут же нашел виноватого слуга. – Она настояла, чтобы я привез ее, хотя я десятки раз объяснил: нельзя.

Шарлотта не собиралась молчать и подала голос:

– Он собирался уволить меня, месье.

– Уволить?

Девушка вздрогнула, когда цепкий взгляд зеленых глаз скользнул по лицу. Было в них что-то странное, неуловимое и опасное. Шарлотта облизала губы, но ничего общего с чувственностью ее действия не имели: во рту резко пересохло. Биение сердца убыстрилось, мышцы напряглись до дрожи – тело реагировало на Гийома как на источник опасности.

– Именно. Без вашего ведома и разрешения по гнусному навету. Любой здравомыслящий человек распознал бы ложь.

Поколебавшись, господин Бош посторонился и махнул рукой:

– Заходите!

– А я, месье?

Странности спутника пугали девушку все больше. Перед ними обычный дом, Ларри слуга владельца, зачем получать особое разрешение?

– Оба, – мрачно процедил Гийом и, не дожидаясь гостей, скрылся внутри.

Ларри замялся у порога, поэтому Шарлотта вошла первой.

Определенно, скупость вошла в привычку, иначе почему в прихожей нет ни единой лампы? Приходилось довольствоваться светом от открытой двери. Шарлотта поняла бы, если бы в комнате имелось окно, но нет же. Следующая комната, судя по всему, приемная обошлась без странностей, если не считать таковыми мешки, сваленные у низенького, на восточный манер дивана. Грязные, грубые, они портили паркет.

– Кабинет справа от лестницы, – послышался откуда-то сверху голос Гийома. – Вторая дверь.

Осталось только отыскать лестницу.

Ларри за спиной девушки шумно сопел и поминутно вздыхал. Он следовал за ней как конвойный, но нервничал больше подопечной.

В гостиной стоял удушливый цветочный запах. Шарлотта не сразу обнаружила его источник – ворох засушенных лепестков на пестром ковре. Они напоминали осенний листопад, такие же яркие, всевозможных форм и оттенков. Решив, что не случится беды, если она чуть задержится, Шарлотта подошла к ковру и нагнулась. Хм, маттиола. Довольно странный выбор, обычно засушивали розовые лепестки. И картины на стенах своеобразные, все сплошь на охотничью тематику. На каждом полотне волки. Они скалились, терзали добычу и гордо вылили на луну.

– Мадемуазель?

Шарлотта вздрогнула и обернулась.

В дверях стоял Гийом. Хозяин дома оделся, накинув поверх домашнего костюма халат с тяжелыми кистями. Он придавал ему сходство с литературным персонажем, этаким чародеем. Или чернокнижником. Мысль пришла внезапно, откуда только взялась? Наверное, виной всему лепестки. Господин Бош не парфюмер, да и маттиола не то растение, из которого делают ароматную эссенцию. Оставались другие цели: аптечное дело и колдовство. С последним нещадно боролись, искоренив в городах, но в глубинке, по рассказам очевидцев, еще находились ведьмы и прочие служители потусторонних сил. А тут еще зеркало, в которое нельзя смотреть, поневоле заподозришь неладное. «Нужно руководствоваться фактами, – одернула себя девушка. – Ты витаешь в мире

фантазий, а в реальности у месье всего лишь необычное хобби».

– Уже иду. Простите, засмотрелась.

Все еще сидя на корточках, она указала на цветы.

– Красивые, – робко улыбнулась Шарлотта, не зная, как отреагирует господин Бош.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/olga-romanovskaya/volch-ya-luna

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить